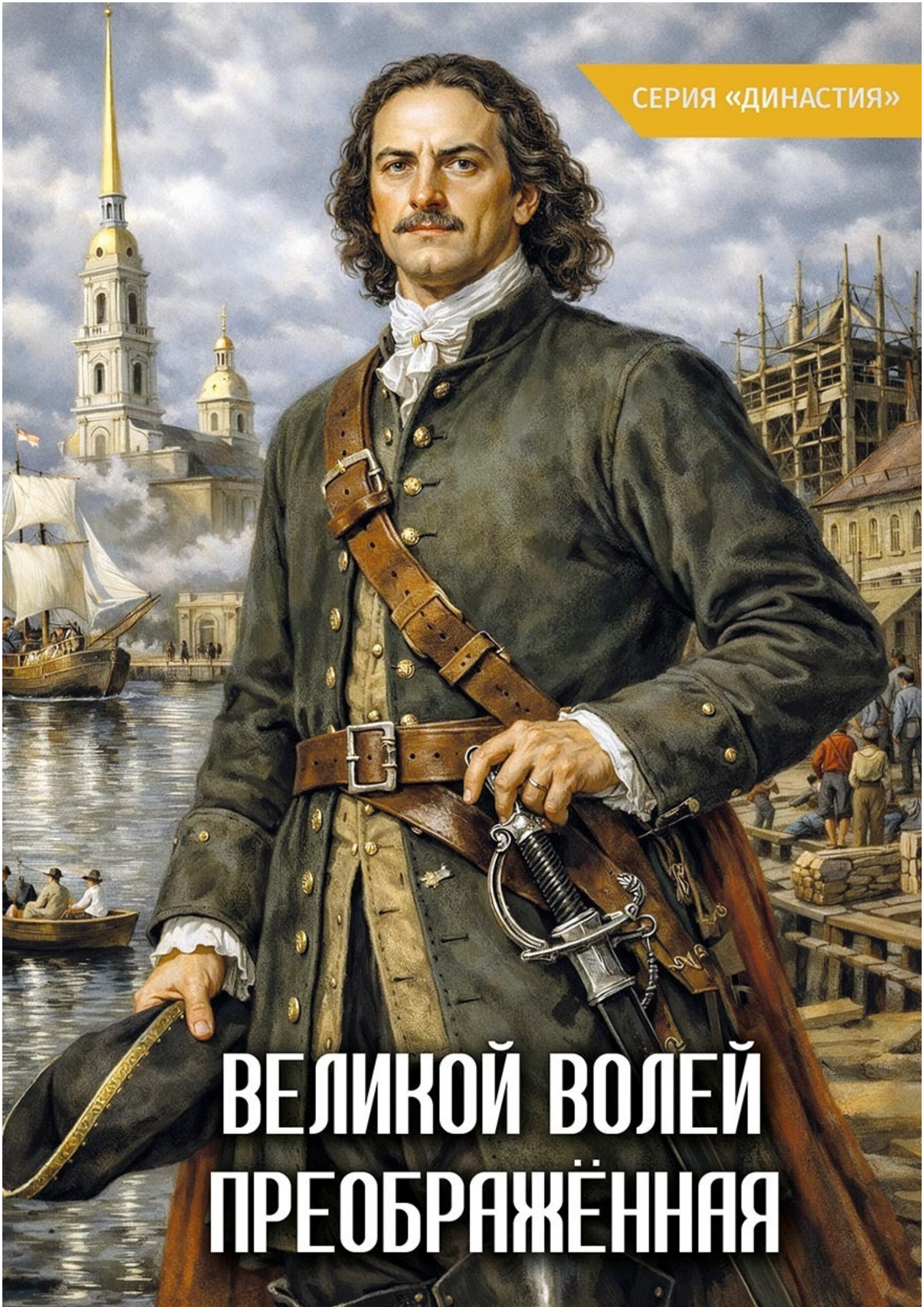

СЕРИЯ «ДИНАСТИЯ»
ВЕЛИКОЙ ВОЛЕЙ ПРЕОБРАЖЁННАЯ

Династия (Четыре)

Коллектив авторов

Великой волей преображённая

Издательство «Четыре»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Коллектив авторов

Великой волей преображённая / Коллектив авторов — Издательство «Четыре», 2026 — (Династия (Четыре))

ISBN 978-5-908165-37-2

Что общего между царём-реформатором и обычным человеком, решившим начать жизнь заново? Масштаб внутреннего перелома. В нашем сборнике современные прозаики и поэты представили живые сюжеты об изменении: тихий отказ от привычного или дерзкие попытки перекроить реальность — всё это требует силы и настойчивости. И конечно, своего летописца, чтобы запечатлеть преображение в веках. Распахните книгу, на страницах которой авторы исследуют природу смелости и выгрызают страхом и риском готовность разрушить старое «я». В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

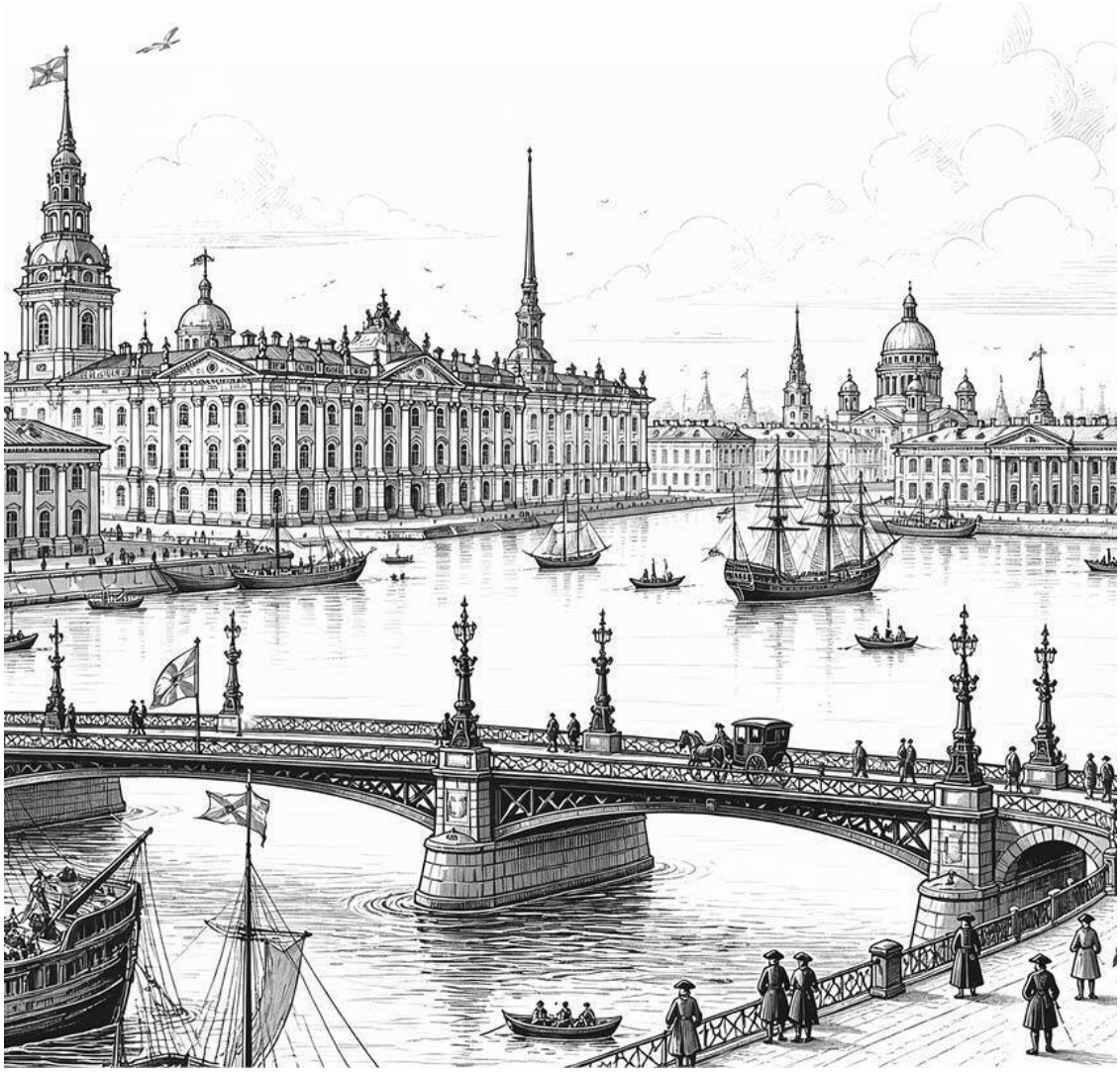
УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-908165-37-2

© Коллектив авторов, 2026
© Издательство «Четыре», 2026

Содержание

Оксана Анищук 6
Великий Пётр 7
Дед Данила 8
Георгий Победоносец 9
Сердце Ленинграда 10
Дышу тобой 11
Покой и блаженство 12
Алехандро Атуэй 13
Предупреждая времена 14
Предтеча[1] 14
Лубяной торг 14
Божья коровка 15
Ветер в паруса 21
Илгиз Ахметов 28
Мне паруса снятся… Белые-белые! (имена сохранены) 29
Нэлля Баева 33
Пётр Первый 34
Станислав Белецкий 41
Сон 42
Тем, которых уже нет 43
Русские деревни 44
Павел Вершинин 45
1709 г. Полтавское сражение (Поэма) 46
Виктор Дроздов 53
Дороги нужны, чтобы идти… 54
На Угре 55
Быль про стены 57
Ваньки-встаньки 59
Двадцать первый век 60
Екатерина Евстигнеева 61
Лабиринт времён 62
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Коллектив авторов
Великой волей преображённая

© Издательство «Четыре», 2026

Оксана Анищук

Родилась 17 мая 1985 года в городе Нефтеюганске (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра), где проживает по сей день. Литературную известность получила в 2021 году с публикацией в коллективном сборнике «Искусство в жизнь» (9-й том). В 2022 году вошла в сборник «Богатство современной поэзии» (5-й том, Москва). С марта 2022 года регулярно публикуется в литературно-краеведческом альманахе «Поэзия земли Тюменской». Автор стихов, опубликованных в рязанском журнале «Три желания» (номера 129, 133, 135, 153), омском журнале «Литературный ковчег» (2025, номера 127, 133), а также в коллективных сборниках «Хранители» (Тюмень, 2024), «Звезда упала на жука» (Санкт-Петербург, 2025) и «Где честь, там и победа» (Санкт-Петербург). Член ассоциации «Поэты Тюменской области».

Великий Пётр

Последний царь, твой вклад глубокий
Великой памятью живёт.
И медный всадник одинокий
Дозором город вновь ведёт.
Когда-то здесь, средь скал холодных,
Стоял ты, думами объят,
Как много дел тех благородных,
Что в сердце русские хранят.
Твой светлый образ незабвенный
Восходит с утренней зарёй,
И славой вечной и нетленной
Горит полночною звездой.
Вокруг тебя пестреет снова
Армада дружных кораблей,
Военный флот, всегда готовый,
С ним сердце армии сильней.
И вьётся, гордо возвышаясь,
Вновь флаг Андреевский святой,
На солнце радужно сияя
Той белоснежной синевой.
Не меркнут дни, полны преданья,
И вечны подвиги, живут.
Где всё ещё… твоё дыханье
Потомки свято берегут!

Дед Данила

Посвящается Анищуку Даниле Корнеевичу

Дед Данил в далёком прошлом
Был отважный фронтовик,
Слыл радистом осторожным,
Иностранный знал язык.
Долго жил на Чёрном море,
В Севастополе своём.
Но осколок по погоде
Память жёг его огнём.
Есть награды боевые,
Там «Геройская звезда».
Ордена хранят родные,
Чтим мы подвиг твой всегда!
И сейчас, когда нависла
Над Россиею беда,
Внук любимый «в новых числах»
Защищает города!

Георгий Победоносец

Лишь синее небо, бездонное поле,
А кони всё мчатся и мчатся к земле.
Вновь слышится песня, в ней слово живое,
Легенда и слава не меркнут во мгле.
Глядит с высоты, неустанно взирая,
Как в дождик и пламя без страха идут,
Георгий Святой, всех бойцов направляя,
К Победе дарует счастливый им путь.
Меч снова пылает, как в прошлые годы,
Всё слышен тот звон отдалённый копыт.
И запах, и вкус бесконечной свободы,
Твой подвиг хранится в веках, не забыт.
И снова с Россией надежда и вера,
Сегодня молитвы звучат все к тебе.
Настанет однажды победная эра,
И мир долгожданный вернётся к земле.

Сердце Ленинграда

Тихо бьётся ударами ровно
Метронома пронзительный звук,
И горячие слёзы невольно
Отбивают секундами стук.
Только помним мы эту блокаду,
Девятьсот беспощадных тех дней.
Громко сердце стучит Ленинграда
И волнует всю душу сильней.
Он напомнит о стойкости духа,
Где надежда и вера в строю.
Он напомнит в далёких тех звуках,
Как держались все крепко в бою.
Пусть же сердце горит Ленинграда,
Подвиг свято храним мы в сердцах,
Символ силы и духа блокады
Продолжает собой согревать.

Дышу тобой

Пока живу я на планете,
Пока дышу тобой одним,
Встречаю лик твой на рассвете
Среди холодных наших зим.
Пока задумчиво меняет
Событья старый календарь,
Я о тебе одном мечтаю,
Где откровения алтарь.
Ах, в каждой строчке вдохновенье,
Любви и нежности тепло,
В них посвящу тебе мгновенья
Любви восторженной без слов!
Пусть моя нежность обнимает
Пуховой шалью до зари,
Тебя дыханьем согревая,
Чаруя звуками любви.
Пока живу я на планете,
То знаю: рядом ты со мной!
Один, один на целом свете
Стоишь, мой Ангел, за спиной!

Покой и блаженство

Разливается радугой летней
После знойного, жаркого дня!
И симфонией песни чудесной
Оставляет на память, маня!
Только верю в веселье и радость,
Лишь где светлые мысли в пути!
Пусть же праздником жизни, наградой
Там, где солнышко светит, дойти!
Вновь проснуться с рассветом улыбкой,
Жизнью нового, тихого дня!
И мелодией нежною скрипки
Слышать музыку в сердце огня!
Разливается радугой летней,
Наполняется сердце тобой!
Верю, будет покой на планете
С самой ясной и яркой звездой!

Алехандро Атуэй

Настоящее имя – Александр Валентинович Горбачёв. Начав писать рассказы и повести в 2016 году, он довольно быстро приобрёл популярность, став финалистом премии «Писатель года», победителем конкурса «Письмо Тургеневу», лауреатом программы «Новые имена современной литературы», победителем премии журнала «Союз писателей».

Сейчас автор увлечён драматургией, член Национальной ассоциации драматургов. На его счету победа в конкурсе Минобороны «Сила слова», награждение специальным призом конкурса «Честь имею», звание лауреата Всероссийского литературного конкурса «Герой нашего времени». Желающим поближе познакомиться с творчеством Алехандро Атуэя рекомендуем прочесть его пьесы и книги: «В одно окно смотрели двое», «Пиши под дождём», «Сборник пьес».

Предупреждая времена

Цикл исторических художественно-познавательных рассказов для детей, юношества и семейного чтения

Предтеча[1]

Весной 1677 года в русском государстве назревала беда. Так всегда бывает: если государь слаб как правитель, то все неудачи его царствования обращаются в несчастья подданных. А правил в то время шестнадцатилетний царь Фёдор, принявший престол от своего умершего батюшки Алексея Михайловича Романова. Как и все дети, рождённые от Марии Милославской, первой супруги Алексея Михайловича, Фёдор был слаб здоровьем и много болел. Этим обстоятельством воспользовались придворные царя и пытались фактически править государством в своих личных целях.

А тем временем подрастал сводный младший брат Фёдора – Пётр, рождённый от второй жены Алексея Михайловича, Натальи Нарышкиной. Было ему в ту пору всего лишь пять лет. Петруша – так звала его маменька; она возлагала на него большие надежды. Мальчик рос бойким и смышлёным. Чтобы сориентировать мысли юного царевича в правильном направлении, приставлен был к Петруше учителем и воспитателем думный дьяк Никита Зотов.

Лубяной торг

Весна – славная пора! Солнце начинает вставать рано, радует теплом и светом девчонок и мальчишек, зовёт их покинуть надоевшие избы и отправиться в познавательные путешествия по окрестностям. Гуляй, пока маленький, а подрастёшь немного, так с шести-семи лет начнут тебя привлекать к труду, давать задания, просить помочь взрослым по хозяйству или работе, а через годок-другой и подрабатывать начнёшь. Так оно у крестьянских и слободских детей заведено, а боярские и княжеские дети в обучение идут – им надобно грамоту постигать и другие науки для дел государевых.

В тот год весна была ранняя, снег сошёл в начале марта, и уже в апреле солнце палило как летом. Мало того, даже реки прогрелись настолько, что можно было купаться. Весь день Петруша пропадал в городе. Вышел он рано утром, пока бабки, надзиравшие за ним, ещё спали. Без них спокойнее – иди куда хочешь, делай что хочешь. В стрелецкой слободе повстречался с мальчишками, которые зазвали его идти с ними смотреть, как строится церковь Николая Чудотворца в Грачах[2]. Путь не близкий, но интересно было посмотреть, как десятки подвод свозят огромные камни для закладки фундамента. Глыбы неимоверных размеров придавливают телеги к земле, колёса скрипят и гнутся, готовые развалиться на первой попавшейся кочке. Лошади из последних сил упираются, чтобы придать подводе хоть какое-то движенье. Чем больше камень заложишь, тем крепче и надёжнее будет фундамент. Привезённые камни два десятка мужиков с помощью верёвок и жердей натужно сваливают с телеги, а она, освободившись от непосильной тяжести, чуть не переворачивается и долго ещё трясётся, изгибаясь и отрываясь колёсами от земли. Другой мастеровой люд роет глубокую яму для фундамента и

[1] Предтеча – предвестие чего-либо.

[2] Грачи – местность в Москве, населённая пушкарями, ныне улица Трубная. (Грачи – свинцовые и чугунные пушечные ядра.)

отсыпает её по низу на два локтя[3] песком. Другие тут же проливают песок водой и трамбуют. Знамо дело: песок кладут, чтобы вода уходила через него и не застаивалась. Если вода будет стоять под фундаментом, то зимой она замёрзнет и выпрет его. От этого и стены могут порушиться, и крыша может обвалиться. А проливают и трамбуют песок для того, чтобы он был плотным и потом под тяжестью дома или в дождь не просел. Фундамент – первое дело для здания. Как его заложишь, так и дальше стройка пойдёт. Всё это Петруша примечал и думал, что наверняка эти знания в жизни ему пригодятся.

После полудня Петрушиных спутников солнце разморило, и вся ватага мальчишек дружно побежала купаться на речку Неглинную. В заводи, что идёт к Сретенскому монастырю, вода тёплая, как парное молоко. Сначала просто плескались в воде, потом баловались с головастиками, а когда животы стало сводить от голода, то наловили раков, разожгли костёр и перекусили как следует. Правда, без соли и хлеба было не так вкусно, но с голодухи всё равно уплетали за милую душу. Потом лежали и дремали на песке, немного даже обгорев на солнце.

Когда солнце стало клониться к горизонту, пошли поглазеть на лубяной торг[4]. Больше всего ребят интересовали изделия из луба. Чего только тут не было: и туеса берёзовые для соли, ягод и крупы; и короба под что только душе угодно; и набирухи под грибы и ягоды; и рогожи всяческие; и лубянки – большие сундуки, согнутые из лубьев; и мочесники[5] для хранения пряжи. Глаза просто разбегались. Недалеко от рядов с мочесниками торговали тканями и пряжей, но только лубяной: из луба льна, крапивы, конопли. Тут же, рядом, делали луб. В речке ещё с весны были замочены большие связки коры деревьев. Та кора, что шла на более деликатные изделия, была замочена в бочках с чистой водой. Верхняя часть коры постепенно разбухала в воде и отваливалась, а волокнистую внутреннюю часть очищали. Вымоченный луб становился гибким и легко делился на пучки. Из него-то и делали все эти поделки, ткани, верёвки, рыбацкие снасти, игрушки, музыкальные инструменты, колчаны для стрел.

Ребята побежали поглядеть и потешиться на лубочные картинки, а Петруша задержался в рядах с лаптями. Его очень заинтересовала работа мастера, который тут же, при всех, плёл из лыка[6] лапти. Под рукой у него лежала целая связка лыковых тяжей[7] из луба липы. Он сноровисто перевязывал их между собой, и в считаные секунды был готов новый лапоть. Петруша старался понять, каким образом надо плести, но мастер работал так быстро, что уследить за его руками было практически невозможно. Готовые лапти падали один за другим в корзину для продажи, а секрет плетения так и не давался юному царевичу. Наконец, устав наблюдать, Петруша огляделся и заметил, что на улице стало смеркаться – надо было возвращаться во дворец.

Божья коровка

Вернулся Петруша, когда уже совсем стемнело. Бабки, искавшие его весь день и думавшие, что не сносить им головы за то, что не уследили за царевичем, наконец перекрестились и успокоились – вернулся их подопечный. Они стали хлопотать возле него, уговаривать поужинать, но Петруша сразу прошёл в опочивальню, чтобы отвязаться от них. Сказал, что разденется сам ко сну, и велел всем идти спать. В опочивальне горела свеча. Он хотел было снять рубаху, но вдруг заметил на рукаве маленькую божью коровку. Петруша поднял руку к открытому настежь окну и заговорил нараспев тоненьким детским голоском, призывая букашку улететь: «Божья коровка, полети на небо, принеси мне хлеба, чёрного и белого – только не горе-

[3] Локоть – мера длины в древности, равная расстоянию от локтевого сустава руки до конца вытянутого среднего пальца.

[4] Лубяной торг – рынок, где торговали досками, брёвнами, срубами, изделиями из луба (внутреннего слоя коры).

[5] Мочесник – коробка для хранения пряжи.

[6] Лыко – луб молодых лиственных деревьев.

[7] Тяж – ремешок из лыка, используемый для плетения.

лого. Божья коровка, полети на небо…» Но коровка всё не улетала и только переползала по рукаву, то ли ища место получше, чтобы взмыть в небеса, то ли просто прячась от мальчика. Внезапно раздался стук в дверь, и на пороге, не дожидаясь ответа, появился дядька. Под мышкой он держал книгу и свёрток, а в руках у него был подсвечник, на котором горело несколько свечей. В комнате сразу стало намного светлее.

– Здрав буде, Пётр Ляксеич! – сказал он без всяких церемоний. – Петруша! Эдак она не полетит.

– Полетит! Я хочу, чтобы она полетела, – отвечал царевич. – А ты кто таков будешь?

– Зотовы мы. Я дьяк[8] Никита Моисеич. Зови меня просто – дядька Никита.

– Чего тебе надобно?

– Мне ни в чём нет нужды, – отвечал дьяк. – Я жизнь имею, и на том Господу спасибо!

– Тогда почто ты пришёл?

– Приставлен я к тебе, Пётр Ляксеич, боярином Соковниным – грамоту и Евангелие со мной постигать значится тебе, учиться будешь.

– Аки[9] славно! – обрадовался Петруша. – Учиться мне любо! Матушка учила меня на картах царей узнавать – вот забавно! – глаза царевича загорелись, он схватил со стола колоду карт и с интересом стал рассказывать науку, которую он освоил со своей маменькой, доставая и показывая дьяку по одной карте. – Я всех запомнил с первого раза. Король пик – это царь Давид. Карл Великий – это король червей. Бубновый король – это будет Юлий Цезарь. Ну а трефовый король – это всем известно – Александр Македонский.

– Вон, оказывается, какой ты молодец! – сказал Никита. – Память верная у тебя.

– Это матушкины учения. А самому мне поболе всего хочется научиться лапти плесть. Вот красивое рукоделие! Загляденье! Видал я раз, как мужик ловко так из лыка: раз, два – и готов лапоть. Токмо[10] не понял, как он заплетает? Хитро так и красиво. Дядька Никита, ты меня научишь лапти плесть?

– Попробуем. Сам-то я не умею, но попытаем вместе или мужика какого кликнем – покажет. А наперво мы с грамоты зачнём.

– Обожди токмо, дядька Никита, – озабоченно сказал Петруша. – Вот коровка улетит, и начнём усердствовать.

– Куда ж она полетит? Вишь, темно на улице, а она на свет лететь должна, на солнышко.

– А когда будет солнышко?

– Да кто ж его знает, – вздохнул Никита и перекрестился. – Батюшка ваш уж вторые лета как преставился, царствие ему небесное. Откуда ж теперь свету ждать! На тебя вся надёжа – ты теперь наше солнышко! Вознеси на небо человека – он тебе и хлеба даде.

– На меня надёжа? – удивился царевич. – А как же братец мой, Фёдор? Он же сейчас на престоле правит.

Никита тяжко вздохнул:

– Какой от него прок? Правит Русью святой, а сам всё в сторону Речи Посполитой[11] поглядывает. Да и слаб он здоровьем – не жилец, прости Господи. – И дьяк опять перекрестился.

– Значит, помрёт он в скорости? – чуть не плача залепетал Петруша.

– Все мы смертны, – отвечал Никита, гладя по головке Петрушу. – Оный[12], наприклад[13], и мало проживёт, а дюже[14] дерзнёт[15] и возможет.

---

[8] Дьяк – чиновник в Боярской думе.

[9] Аки – как *(устаревшее)*.

[10] Токмо – только *(устаревшее)*.

[11] Речь Посполитая – государство в 16–18-м веках, объединявшее Польское королевство и Литовское княжество.

[12] Оный – тот или другой *(устаревшее)*.

[13] Наприклад – например *(устаревшее)*.

[14] Дюже – очень сильно.

Петруша горько заплакал и прикрыл ладошкой коровку, как будто оберегая своего братца от неминуемой смерти.

– Полноте, полно, – успокаивал его Никита. – Негоже живых оплакивать. Ты, Пётр Лаксеич, коровку-то отложи, а поутру, как засветает, так мы в небо её и пустим. Всякая божья тварь в тепле потребна. А пригреешь её, и она тебе теплом оплатит.

Петруша размазал по щекам слёзы и уже более оживлённо сказал:

– Хотца мне поскорее с грамотой совладать.

– Экий ты прыткий. Ну давай, коли так. Токмо недолго ныне учиться будем – поздно уже.

– Ура! Так пошли скорее! – закричал радостно Петруша.

– Охолонись[16], провор[17]! Нет надобности никуда итить – тутова зачнём. – Никита развернул свёрнутый в трубочку плакат, склеенный из отдельных листов бумаги. – В первую голову будем азы одолевать. Вот азбуку монахи тебе склеили, с неё и будет первый шаг.

– А что значится азбука?

– Вот неуём[18] – так и поспешаешь, – усмехнулся Никита, открывая книгу. – Азбука – это буквица, через неё письмена с тобой научимся разуметь. Потом писать сам будешь. Вот, послушай, для чего сия нужда.

Сия зримая малая книжица,
По реченному алфавитица,

Напечатана по царскому велению
Вам, младым детям, к научению.

Ты ж благоумно сему внимай,
С нижней на вышнюю степень ступай.

В мягком воске чисто печать отображается,
Тако же учение во младости крепче вкореняется.

И тако достигнеши мудрых совета,
Будеши истинный сын света.

И тако хвалим будешь ты от всяк,
Да и будут словеса твои аки мёд в устах.

Гласит Божественное повеление:
Ничто нет дороже добротнаго учения.

– Складно! – восхитился Петруша.

– Да уж, что есть, того не отнять. Учёные мужи писали. Вот мы молвим с тобой, Петруша, и в голову не берём, что речь наша из отдельных слов состоит. А слова те тоже делятся на буквы отдельныя. Наприклад, наречён ты Петром. Пётр, стало быть. Буде зачнёшь говорить: «Пётр», так впереди всего «п» слышишь. П, п, Пётр. И буква такая есть: «П» – «Покой» называется. Вот

[15] Дерзнёт – отважится, решится.

[16] Охолонись – остынь, успокойся.

[17] Провор – расторопный, бойкий человек.

[18] Неуём – непоседа.

она, тутова. – Никита показал букву на плакате. – А на исходе слова «Пётр» что мы слышим? Пётр. Пётр-р-р. Р-р-р. Буква «Р» – «Реци».

– Стало быть, в имени моём и покой, и течение – реци? – догадливо вскрикнул Петруша.

– Верно! – обрадовался дьяк. – Смышлёный ты, однако. Имя твоё как раз по тебе: покой – это ладность, благогласие; реци – это течение, сила, порыв, мочь. Всё в нём есть, в имени твоём. Знать, быть тебе великим человеком! Прославишь ты имя своё и землю нашу возвеличишь. А я гордиться буду, что в наставниках твоих ходил.

Петруша вскочил на стул и положил деревянную саблю на плечо Никиты.

– А я за это буду жаловать тебя званием княжеским и денег жалую вельми[19]. И всех учёных и ловких на жизнь тоже пожалую. Пущай оне радеют[20] всем на благо. Земли нашей рачителей[21] не обижу! – возвышенно сказал царевич.

– Да угомонись ты, остынь, – осаживая Петрушу, сказал Никита.

– Вот давеча на лубяном торге, – продолжал мальчик пылко, но уже присаживаясь, – видал я одного, Алексашкой кличут. Ох, проворен! А сам ещё младшее меня буде. Надул он ланиту[22] и проколол иголкой, а юшки[23] ни капли не было. Шельма! Но каков! Алтын ему жаловал. Таких слуг мне надобно! Найду его обязательно, когда в лета войду.

– Да ты огонь – тебя не осадишь!

– Мамка говорит, что я егоза. А я так думаю, что нисколечки! Токмо я долго сидеть не могу на месте.

– Так тебе и учиться не надобно – ты сам всё от жизни уразумеешь прытью своею, – пошутил Никита.

– Нет, дядька Никита, учи уж, потерплю. Больно мне учиться любо.

– Ладно! Зри сюды. – Никита показал на первую букву в алфавите. – Сия буква есмь «Аз». «Аз» – всё едино, что «я». Она и первая, стало быть, стоит в алфавите.

– Значится, себя надо наперёд всегда иметь? – спросил Петруша.

– А то как же? Аз – он всё одно, что Бог, живущий и сотворяющий всё на земле, исток единый. Бог в тебе: ты его провиденье. Тебе явствует вершить во благо. Выходит, ты поименованный азом – то бишь первым.

– Я запомню эту букву. Аз, аз! – закричал Петруша, а потом опять вскочил и показал на букву «Д». – А вот эта какая буква будет?

---

[19] Вельми – очень много.

[20] Радеть – стараться.

[21] Рачитель – заботливый человек.

[22] Ланита – щека.

[23] Юшка – кровь.

– Это будет «Д» – «Добро». Но ты не скачи – буквы порядок любят, а то несуразица получится. Вот гляди на верхний их ряд, где «Аз»: по порядку они с о́шуюю на одесную[24] стоят. Буквы эти так зовутся: «Аз», «Боги», «Веди», «Глаголи», «Добро», «Есть», «Есмь». Порядок у них в очерёдности. От сего порядка и смысл узрим: «Аз Боги веди, глаголю добро, есть есмь». Что сие значит?

– По-иному: «Я божественное ведаю – передаю добро, которое есть жизнь».

– Ты смотри – на лету ловит, – опять удивился Никита. – Да, брат, тебе не такой прощелыга, как я, нужо́н. Тебе настоящий дидаскал[25] требуется. Хотя ж бы Симеон Полоцкий[26]. Токмо патриарх Иоаким охаял его за благоволение к латинской стороне, мол, нам чужеродного не надоть. Жаль, жаль. С Симеоном ты бы много толку поимел в учении.

– Зачем он мне? Патриарх Иоаким сказывал, что Симеон родом из Речи Посполитой. Зачем мне иноземец?

---

[24] С ошуюю на одесную – слева направо.

[25] Дидаскал – учитель *(устаревшее)*.

[26] Симеон Полоцкий – монах, духовный писатель, наставник царских детей.

– Если муж учёный, – отвечал дьяк, – так ты у него науку прими, какого бы он роду-племени ни был. Нам чужого не надоть, но стоящее у иных народов надо заимствовать, чем и своё преумножать. Понял?

– Понял, – сказал Петруша.

– Ты уж сам, как в силу войдёшь, так возми учителя аглицкого аль фряжского[27]. А ещё лучше сам туды, в неметчину[28], и езжай в карете аль на корабле, там сподручнее учиться будет.

– На корабле? Это как? Что это такое?

– Корабель – это ладья такая большая, по́ морю ходит под парусом, – отвечал Никита. – Корабель – первое дело для торговли. Товару на нём много помещаца, как на сто возах. И везёт его ветер, без лошадей. Его и кормить не надоть. Посему корабель великую прибыль приносит. Ну что ж, продолжим?

– Дядька Никита, а второй ряд азбуки тоже смыслы имеет?

– А то как же? И второй, и третий. Каждый. А буде зачнёшь читать сверху вниз, столбцом значится, то и там свои толки узришь. – Никита по порядку показал буквы первого столбца. – «Аз», «Живот», «Како», «Слово», «Ци», «Ять», «Ёта». Вот и получается: «Моя жизнь, как и слово, цельно связана с познанием».

– Это верное! Я как раз таким быть хочу – познавателем.

– Учись, Петруша, учись – это не зазорно, а, супостать[29], достойно. Как постигнешь науки – так жизнь тебе поиному и глянется. Вот вроде бы простая азбука, а поди ж ты, и она мудрость имеет. Каждый ряд букв тут совокупно разумность глаголет, равно как и столбец. Буде дано тебе государство в руки – ты тако же выстраивай его правление, чтоб везде мудрость была и смыслы связные воедино всё пронизывали, переплеталися, а слово твоё чтоб не токмо указанием было, но и продолжением промыслов твоих на многое лето впредь, аки корень сути державы.

– Дядька Никита, можно я «Аз» себе пока оставлю и почивать с ним буду? – спросил Петруша, уже зевая. – Уж больно он по нраву мне.

– Бери, Петруша, бери. – Никита отделил букву от плаката и вручил ученику. – С утра опять на неё глянешь – для памяти это первое дело. Ложись, родимый, почивать, запоздились мы с тобою. Спокойной ночи тебе.

Петруша залез на кровать и тут же заснул от усталости. Дьяк улыбнулся, свернул плакат, забрал светильник, вышел из опочивальни царевича и направился в молельную комнату. Там его уже с нетерпением ожидал купец Франц Тиммерман.

– О, Франц, вечер добрый! Не зря я за тобой посылал.

– Никита, я весь к твой услуга, – сказал Тиммерман с явным акцентом. – Что слушилось?

– Чудо, дорогой мой Францушка, чудо! – отвечал радостно Зотов. – Наконец и к нам Бог поворотился! Столько лет я за Россию молился – выходит, не зря.

– Я нишего не понималь. Ти можеть говорить без загадка? – недоумевал Франц.

– Позвал я тебя, чтобы пособить мне. Приставлен я к царевичу Петру грамоте его обучать. С этим-то я совладаю, а вот в других науках я не силён.

– Это мошно, я готоф.

– Но это не самое главное, – радостно, с блеском в глазах и словно глядя куда-то вдаль, сказал Никита. – Сдаётся мне, Францушка, скоро Россию посетит светлый праздник! Ты завтра сам воззришь, сколь светла головушка молодого царевича. Быть ему царём российским, вот увидишь. И мнится мне, Россия широко с ним шагнёт, да так, что расступись, Европа, посто-

[27] Фряжский – итальянский, генуэзский.

[28] Неметчина – заграница.

[29] Супостать – напротив.

ронись, дабы не ушибить ненароком. Этот вожжи крепко держать будет да и умом не обижен. А сейчас ему вспомочь надобно – ум тот преумножить и направить по верной меже.

– Это фортуна, такой слушай надо брать за хвост удаша, – с еле заметной улыбкой забубнил себе под нос Тиммерман.

– Что ты говоришь?

– Нэт-нэт, нишего. Я думать, как же мой товар бэс меня, если я ушить саревишь?

– Франц, очнись, какой товар? Ты будешь назидать будущего царя – лучшего вложения твоей мошны[30] не сыскать. Этот за добрую службу не обидит. Или ты супротив?

– Хорошо, хорошо! Я соглашаться, – закивал головой иностранец.

– Ну и славно, – успокоился Зотов. – И вот ещё что: ты на лубяном торге мальца не видал? Алексашкой кличут. Надобно его сыскать. Он ещё коленца разные выкидывает – иголками ланиты пронзает. Уж больно он Петруше глянулся.

– Не знать, но когда увидеть, тогда буду приводить.

– Жалко, жалко. Пригодится он нам, – расстроился дьяк.

– Хорошо. Я обязательно находить, – услужливо заявил Франц.

– Ну что ж, лады. Когда понадобишься к ученью, пришлю за тобой. Ступай с Богом.

– До свиданья. Спокойный нош, – раскланиваясь и уходя, сказал Тиммерман.

– Ступай с Богом, басурманин[31], ступай, – пробормотал Зотов, чтобы Тиммерман не услышал его. Потом обернулся к иконе и с радостью, переполняющей его сердце, начал молиться за нового царя. – Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго.

Ветер в паруса

Шёл 1688 год. К тому времени наш царевич стал статным юношей, почти мужчиной. Правящий страной болезный сводный брат его Фёдор уже давно скончался, и в результате стрелецкого бунта объявили царём не только Петра, но и его болезненного брата Ивана. А править государством фактически стала их старшая сестра Софья, объясняя нахождение своё на престоле тем, что братья ещё несовершеннолетние. Но год за годом Пётр подрастал и всё больше мечтал взять государство в свои руки. Во дворце московском он появлялся редко, всё больше проводил время в подмосковном селе Преображенское. Там завёл себе забаву – потешные войска, с которыми играл в войну. Сначала это была просто толпа мужиков, которая ходила в атаку на крепость. Но со временем у них стали появляться настоящие сабли, а потом и ружья, и в конце концов эта толпа превратилась в настоящее войско. Народу, конечно, не нравилось ни правление Софьи, ни юные забавы Петра. Да и откуда им было знать, что в голове молодого царя зреют грандиозные, далеко идущие планы сделать Россию великой державой и поставить её в один ряд с мощнейшими государствами мира.

В тот вечер на одном из постоялых дворов вблизи Преображенского приютились странники: две старушки, идущие побираться в Москву, и два монаха, выгнанные из монастыря за ослушания и идущие замаливать грехи в столице. Места в ночлежных комнатах им не хватило, поэтому они решили расположиться на ночь в трапезной. Уже сильно стемнело, горевшая лучина тускло освещала комнату, изредка выхватывая из темноты стоящие на столе пустые глиняные тарелки и кружки. Странники сидели за столом, потупив взор, и почему-то думали,

[30] Мошна – кошелёк, денежные накопления.

[31] Басурманин – иноземец, иноверец.

что причиной их пустого желудка и всех жизненных неурядиц является плохое правление государством.

– И на что нам проклятье это? – сказал худой высокий монах, подняв пустую тарелку, заглянув в неё и разочарованно поставив её на стол.

– И не говори, брат! – вторил ему маленький толстый монах. – Сколько лет Русь жила по-доброму, благочестиво, соблюдая домострой, по традициям отцов и дедов. И тут на тебе: явился срамец устои корёжить.

– Это всё Франс виноват, – сказала горбатая бабка. – Этот, как его? Тамерлан.

– Да не Тамерлан, а Тиммерман, – поправил её худой монах.

– А хошь и так – всё одно басурманин. Это он к царю в учителя голометрии вызвался, а учит не пойми чему, – не успокаивалась горбатая бабка.

– Не голометрии, а геометрии, – опять с укоризной сказал худой монах. – Это наука такая о начертании точек, линий, плоских и просторных тел.

– Вот оне и забавляются телами, – поддержала подругу бабка с клюкой. – Нечаиха сама видала, как-де царь с энтим Франсом в доме евонном, да ещё с двумя фряжскими гостями, всю ночь вино пили и песни на ихнем языке горланили. А как расцвело, то, стало быть, так им в голову ударило, что девок немецких, которых тоже изрядно напоили, в повозку запрягли и по двору катались цельный час, аки на тройке. Тьфу! Пакостники! Охальники!

– Сущий антихрист, – перекрестился толстый монах. – Да что ж это деется-то? Видано ли, чтобы раньше цари себе таково дозволяли?

– Куды мать-то смотрит? – не успокаивалась горбатая бабка. – Неужто Наталья Кирилловна не осадит его?

– Её он побаивается, уважает. Но у неё ныне одна забота – чтобы Милославские шибко голову не подняли, – пояснил худой монах. – Вот она на Москве и царедворствует. А этому молодцу всё трава не расти. Знай только денег просит на своих потешных.

– Да теперя уже они и не потешныя, – сказала бабка с клюкой, – а самые что ни на есть настоящия. Вона, давеча из пушки стрельнули и Кузьме косому избу в хлам разнесли.

– Да ты что? – удивилась горбатая бабка.

– Вот тебе и что, – продолжала бабка с клюкой. – То раньше баловство было, теперя и стрельцам над потешными шутковать боязно. Слыхали про обоз-то с порохом?

– Нет. Какой обоз?

– Ну как же? – удивился худой монах. – Второй день токмо об ентом и разговоров. Стрельцы на лошадях порох привезли потешным два дни тому назад, увидели, как преображенские строем ходють, и давай над ними глумиться. Так потешныя их вмиг разоружили, выпороли и пешими в Москву отправили.

– Ну дела! – сказала горбатая бабка и хлопнула себя ладонями по коленям.

– А всё одно потешныя: одёжа ихняя – одна срамота, – сказал худой монах. – Неужто наше платье плоше? Нет, ему венгерскаго покрою подавай. Всё-то он переделать норовит, не блюдёт заветов, и усмотрения боярские ему не угодныя.

– Выдрать бы его как следать! – сказала бабка, погрозив клюкой.

– Розгами вымоченными, с оттяжкой! – злобно проговорил толстый монах и вскочил, будто сейчас и собирался идти пороть молодого царя. – Да солёной водой потом спрыснуть!

– Знамо, пороть надобно! – яростно визжа, вторила ему горбатая бабка. – Пороть! Не мешкая!

– Да где там! – махнул рукой худой монах. – Гляди, как в силу вошёл. Царевна Софья всё мнит его мальчишкой, а у него уж зубы выросли – не ровён час, сковырнёт ея.

В сенях хлопнула дверь, послышались торопливые шаги и грохот, словно кто-то упал на пол.

– Поделом тебе, не будешь под ногами мешаться, – послышался голос Петра. – Давай быстро огня в избу.

– Лёгок на помине, – с испугом сказал толстый монах.

Бабки и монахи, как тараканы, мигом юркнули от стола к печи и уселись рядком в уголок на лавке. Пётр ворвался в трапезную, в руках у него была свёрнутая в трубочку большая карта. Не замечая постояльцев, он огляделся вокруг, но, не найдя лучшего места для карты, одним махом сгрёб всю посуду со стола на пол. За ним вбежал его верный слуга и соратник всех начинаний Алексашка Меншиков.

– Клади сюда, – сказал Пётр, указывая на чистый стол.

Меншиков живо разложил и развернул карту.

– Алексашка, смотри!

– Мин херц, так я ж картам не обучен.

– Вникай, не век тебе в денщиках ходить. Пора за дело браться. Кому я ещё дела свои доверю? Верных людей у меня: раз-два и обчёлси.

Хозяин живо внёс два зажжённых подсвечника и, поставив рядом с картой на стол, быстро ретировался.

– Ты подскажи, мин херц, а мы смекнём. Раз карту надоть, то и карту осилим. Нам любое дело по плечу.

– Вот за что я тебя люблю, Алексашка, – сказал с улыбкой Пётр, – так это за удальство твоё: за что ни возьмёшси – всё у тебя в руках горит. Гляди сюды. Видишь, яйцо тутова на карте нарисовано? Это Плещее озеро. Рядом, вот, Переславль на берегу. А мы вон тутова, рядом с Москвой.

– Понятно, – сказал Алексашка, но засомневался: – А на что нам озеро? Это ж у чёрта на куличках.

– Не прекословь, внимай, – пригрозил царь. – Озеро это вёрст семь в ширину будет, а в длину – все десять. Чисто море! Это не на Яузе вёслами за берега цеплять. Туда двинем.

Пётр ещё раз обошёл вокруг стола, глядя на карту и как бы проверяя ещё раз свои замыслы. Потом подошёл к Меншикову и с горящими глазами поворошил ему волосы.

– Эх, Алексашка! Завтра свожу тебя на льняной двор. Мы с Тиммерманом сегодня там в амбаре дедов бот[32] нашли. Это не то что наши ушкуи[33], настоящий маленький корабль, аглицкий, под парусом ходить может. Не чета дубасам[34] и стругам[35]. А какие обводы у него – загляденье. Саксы знают толк в мореходстве. У них и у голландцев учиться будем. И не гляди так – учиться не зазорно, хош бы и у иноземцев. Есть задумка у меня: флот там рубить будем, на Плещем озере.

– Мин херц, а нашто нам на Плещем озере флот?

– Алексашка, не перечь! Нужон, и всё! – сказал строго Пётр. – Всякий потентат[36], который едино войско сухопутное имеет, – одну руку имеет, а который и флот имеет – обе руки имеет. Уразумел?

– Уразумел. Так флот-то нам зачем нужон в Переславле? Там, поди ж, и воевать некаго, акромя своих.

– Твоя правда. Моря нам, конечно, нужны. Ну вот в потешный флот наиграемся, тогда и к морям двинем. Не ла́птями же нам в океяны заявляться? Надо и сноровки поиметь, чтоб ко дну не пойти до баталии.

---

[32] Бот, ботик – небольшое парусное судно.

[33] Ушкуй – плоскодонная лодка.

[34] Дубас – долблёная лодка.

[35] Струг – плоскодонное речное судно.

[36] Потентат – властитель.

– Эх! Где наша не пропадала? – махнул рукой Меншиков. – На море так на море! С тобой, мин херц, и в огонь, и в воду!

– Про то, что «пропадала наша», забыть пора – пущай вороги теперя думают, как свою шкуру сберечь, а нам ужо срамно[37] битыми быть. Россия-матушка давно с колен поднялась – пора показать, кто в доме хозяин. Неужто мы лапотнее всех этих ляхов[38], шведов и турок? Вот увидишь, как оне на поклон к нам ходить будут. Я Россию сильной вижу. Вот этой самой рукой её над всеми державами выстроим. – Пётр крепко сжал пальцы в кулак и потряс им, словно показывая, как будет прочно держать окрест[39] все державы в узде.

– Мин херц, мне бы брюхо набить посытнее да поспать послаще. Но когда я твои речи слышу, то готов и голодать, и недосыпать, лишь бы увидеть всё, как ты прочишь, – восторженно сказал Меншиков.

– Вот за что я тебя опять же люблю, Алексашка, так это за подспудство твоё. Умеешь елеем[40] вовремя подмазать. Хитёр!

– А как же без этого? – хитро сощурился Алексашка, а потом с серьёзным видом перекрестился. – Но ты, мин херц, не думай, я, конечно, и о своей корысти пекусь, но вот те хрест – не задумываясь, за тебя голову положу.

– Да я знаю, знаю! – хлопнул по плечу товарища Пётр. – Я тебя насквозь вижу. Оттого и возле себя держу. Токмо рано нам головы складывать – делов у нас полно. Ажно приказ: выжить! Уразумел?

– Вот те хрест, – перекрестился опять Меншиков, но уже с усмешкой, – голову положу, но выживу!

– Да хватит тебе кресты класть, – усмехнулся царь и кивнул на сидящих на лавке, – тут и без тебя есть кому. Успеешь ещё перед смертию намолиться, а сейчас нам недосуг. Друг Алексашка, всё в ентом мире бренно, а каких делов мы с тобой наделаем – потомки в пояс поклонятся. Как прикину наперёд, так видятся мне не токмо деревянныя корабли, а и жалезныя, чтобы ни пуля не брала, ни ядро, – сказал Пётр с горящими глазами.

– Как же так? Железный корабель зело[41] грузный – потонет.

– Не знаю, но надо придумать такой. Эх, жалко, день короток – вот прямо в пути, при делах ночь застала. Давай ложиться, завтра прямо с рассветом встанем рукава засучать.

– А где ж нам опочивать сподобиться? Одни столы да лавки.

– Чего тут мозговать – ложимся на столе, вот и вся недолга. Гаси свечи, – сказал Пётр, свернув карту и ложась на стол.

– Мин херц, гасить? Но тут же иноки и миряне сидят. Как же им без свету?

– Гаси, говорю! – сказал Пётр, уже зевая. – Они тут без малого триста лет сидят об одном месте. Им что со светом, что впотьмах[42] – всё едино. Вот мы на Плещее озеро уедем, флот срубим, потом Азов уйдём воевать, а они всё тут сидеть будут у пустых плошек и нам с тобой кости мыть. Гаси и спи давай.

Алексашка погасил свечи, но буквально через минуту заговорил шёпотом.

– Мин херц, я тут в деревне у Алымовых…

– Чего ты шепчешься? Говори внятно.

– Я говорю, двух путных парней присмотрел, у Алымовых, – сказал Меншиков в полный голос. – Чисто огонь парни: проворные, рукастые!

---

[37] Ужо срамно – теперь стыдно *(устаревшее)*.

[38] Ляхи – поляки.

[39] Окрест – вокруг.

[40] Елей – оливковое масло.

[41] Зело – очень *(устаревшее)*.

[42] Впотьмах – в темноте *(устаревшее)*.

– Определил в потешное войско? – спросил Пётр.

– Да как же я сам? Только спросить хотел. А вдруг Алымовы заартачатся?

– Довольно уже тебе меня кажный раз вопрошать, – с укором сказал царь. – Я что, кажного солдата теперя в войско сам препровожать должóн? Ты у меня на что? А ежели Алымов супротивиться будет, так ты его кнутом перетяни.

– Так как же? Стольника? И кнутом? – засомневался Меншиков.

– Некогда мне с каждым рядить. А ежели он мне помехой быть дерзнёт, так и поделом ему. Считай, что у тебя салва кондукта[43] от меня на все деяния. Мотай на ус: ты теперя моя тень, тебя пужаться боле, чем меня, причитается, – сказал Пётр, зевая, и добавил мечтательно в полусне: – А в плаванье мы с тобой обязательно пойдём. На боте, потом корабль…

В полной тишине и во мраке прошло две-три минуты. Потом на лавке в углу закопошились бабки с монахами и зажгли свечу. Пётр в полусне поднял голову и огляделся. Потом снял ботинок и кинул в свечу – огонь тут же погас.

– Чего завошкались? Спать всем! – сказал царь и перевернулся на другой бок.

Прошло ещё несколько минут, но спать уже не хотелось.

– Вот ты поглянь, только заснёшь, так тараканы – тут как тут. Весь сон как рукою сняло. Спишь, Алексашка?

– Нет, мин херц, тебя блюду.

– Пустое[44]. Спи… Слышь, Алексашка, а как ты ланиту иглою прокалывал и юшки не было?

– Это када же?

– Ну, тогда, на лубяном торге, когда мы с тобой в первый раз встретились.

– Так мы ж не на лубяном торге, а у Франца Тиммермана спознались в давешнем году, – сказал Меншиков.

– Ну да, это Франц тебя сыскал и к себе пристроил, а я тебя сразу у него признал. Такую шельму, как ты, потужно[45] запамятовать, хотя я и пяти годов был отроду в ту пору. Как вспомню фокус твой, так мороз по коже.

– Да я… – начал было неуверенно Алексашка, но Пётр его перебил.

– Молчи уж, ещё малой ты был, а палец в рот не клади – откусишь. Вот эти два парня алымовских, ты, ещё люду бойкого вкруг себя соберём – и повернём России оглобли. Слушай, Алексашка, а покажи, как ты енто делал с иголкой. Ну-ка огонь запалите! – крикнул Пётр монахам.

– Сей час, – засуетился толстый монах, зажигая свечу.

– Мин херц, да я никогда, – стараясь оправдаться, проговорил Меншиков, но Пётр его перебил:

– Эй, бабки, дайте иголку!

– Откель же ея взять-то, государь, – заискивающе ответила бабка с клюкой. – Не взыщи, такого добра не держим.

– Вот народ! – возмутился Пётр. – Порты порвутся – зашить нечем будет. Ну, погодите, всё одно сидеть на месте не дам никому! Алексашка, ты уж не малой, чтоб иголкой баловаться, на вот саблей проткни, – сказал царь, доставая из ножен саблю.

– Помилуй, мин херц, – взмолился Меншиков, – да я и иголкой-то…

– А говорил – голову положу, – сказал Пётр, иронизируя, но, заметив замешательство друга, успокаивающе сказал: – Ладно, ладно, не виляй. Шутканул я.

---

[43] Салва кондукта (сальв-кондукт) – документ, освобождающий от суда.

[44] Пустое – не стоит внимания *(устаревшее)*.

[45] Потужно – нелегко *(устаревшее)*.

– И положу – не веришь? – обиженно сказал Меншиков, а потом, уже переменившись в лице, хитро, но с твёрдостью в голосе добавил: – Наше слово – адамант[46]. Коль сказано, так сделано. Давай оружие.

Меншиков с ехидной улыбкой взял у Петра саблю. Потом, подойдя к сидящим на лавке, саблей сделал пируэт в воздухе, взмахнув настолько быстро, что от получившегося ветра свеча тут же потухла. В темноте Меншиков открутил эфес[47] от клинка[48], клинок тыльной частью сунул в рот, а эфес прислонил к щеке. Когда свечу наконец зажгли, то изумлению всех не было предела: казалось, что спутник Петра проткнул себе щёку саблей, которая торчала у него изо рта.

– О-о-о-ой! Батюшки святы! – вскрикнула в испуге бабка с клюкой и перекрестилась.

– А-а-а-а! – закричала горбатая бабка и упала в обморок.

Худой монах стал хлопотать с потерявшей сознание странницей, а маленький толстый монах в ужасе зажал свой открытый рот ладонью, будто он сам со шпагой и испытывает нестерпимую боль в проткнутой щеке. Пётр захохотал и в приступе смеха стал кататься по столу. Меншиков продолжал смешно моргать глазами, отчего государь ещё больше заливался хохотом, не в силах ничего сказать, и только показывал пальцем на друга. Бабка с клюкой продолжала креститься, а худой монах настолько оторопел, что просто замер и не знал, что ему делать. Наконец Пётр, насмеявшись вдоволь, встал со стола и одобрительно со всего размаху хлопнул Алексашку по спине – клинок выпал у того изо рта. Горбатая бабка, только очнувшись и увидев эту картину, опять упала в обморок.

– Ай, шельма, везде выход найдёт! Дай я тебя поцелую! – воскликнул Пётр, взял лицо Алексашки в ладони и благодарственно трижды поцеловал. Потом снял с руки перстень и торжественно вручил Алексашке. – На, держи! Заслужил!

– Благодарствую! – отвечал обрадованный Меншиков.

– Да о таких подданных супостатам токмо мечтать можно! Нет, Россию голыми руками не возьмёшь, – сказал Пётр, горячо обнимая друга, потом поднял клинок и протянул худому монаху: – Может, ты теперь спытнёшь?

– А-а-а! – вскрикнула горбатая бабка и опять упала в обморок.

Худой монах перекрестился и попятился от клинка.

– Видал? – кивая на монаха, сказал Пётр Алексашке. – Ни порты заштопать, ни саблей махнуть – ничего не могут. Немошныя. Погоди токмо, время приде, и ентих в строй поставим – неча дормоедничать у меня. А теперя спать всем покамест!

Пётр опять завалился на стол и задул свечу. Монахи и бабки опять расселись по лавкам и затихли. Меншиков тоже лёг и уже было заснул через минуту-другую, но вдруг вскочил и громко закричал в темноте.

– Алексашка, что? – закричал Пётр. – Огня! Зажгите огонь! Что с тобой, Алексашка?

Когда зажгли свечу, то все увидели, что Меншиков сидит на столе, закрыв лицо руками. Пётр подскочил к нему и затряс его за плечи.

– Что случилось? Алексашка! Что? Да очнись ты!

– Сон… Дурной сон… Сразу прямо занялся, – сказал, медленно шевеля губами, Меншиков и опустил руки от перекошенного в ужасе лица.

– Фу-у, – выдохнул Пётр. – Я-то думал, случилось что. Давай расскажи, чтоб сон не сбылся.

– Причудилось мне, будто ты меня в изменники причислил и палкой поколотил.

– Ха-ха-ха! – засмеялся царь. – Дивный сон!

---

[46] Адамант – алмаз (прочный, твёрдый).

[47] Эфес – рукоятка сабли.

[48] Клинок – рубящая часть сабли.

– Поколотил и апосля выгнал вон из своего дома. Сказал, чтоб ноги моей у тебя более не было. Да так явно всё, как взаправду. А апосля… – Алексашка замялся.

– Ну!

– Не могу.

– Говори! Ну! Говори, а то точно поколочу палкой!

– А потом будто бы ты помер.

– Ха-ха-ха! Так чего ж тут страшиться и горевать, – сказал Пётр, кладя голову Меншикова на грудь, обнимая и утешая его. – Знаешь, как Никита Зотов говорит? «Живём сейчас, и на том Господу спасибо! А помрём, так на то не наша печаль – нас уже не буде».

– Не смейся, мин херц, всё так явственно видал. И будто меня в Сибирь сослали, где я избу себе и церковь срубил сам, вот этими руками.

– Эка невидаль. Мы с тобой не токмо избы рубить выучимси – я из тебя первого корабела сделаю. Будем сами фрегаты и шнявы строить. Пока нас на погост снесут – мы с тобой столько делов переделаем. Некода об ентом думать сей час.

– С тобой, мин херц, не соскучишься, – сказал Меншиков, немного повеселев и отходя от дурного сна, – то строить, то рубить, и поспать некогда.

– Эт да, строить и рубить – дело хорошее, но лишь бы не козни и не головы, – сказал Пётр, и друзья засмеялись. – Видать, сон не задастся сегодня, совсем улетучился. Скоро рассвет забрезжит. Пошли, раньше выйдем – раньше придём.

Друзья вскочили, забрали карту и двинулись к выходу.

– А вам спать! – сказал Пётр постояльцам, задул свечу и захлопнул за собой дверь, но ещё долго был слышен их удаляющийся смех.

Так, сквозь невежество и грязь, через уныние и нежелание сделать свою жизнь краше, пробивались к свету ростки новой российской истории – зелёные, неокрепшие, но полные жизненной силы и одержимости великими свершениями. Пробивались вопреки всему и невзирая ни на что, предвкушая и предупреждая иные времена, когда Россия удостоится звания великой и могучей державы.

Илгиз Ахметов

Родился 1 января 1962 года в деревне Дюмеево Республики Башкортостан в многодетной семье. Начал писать только в 55 лет. Сюжеты произведений Илгиза Тимерзагитовича основаны на реальных событиях. В последние годы творчество автора получило высокую оценку, удостоено высоких литературных наград и медалей; присвоено звание действительного академика Интернациональной академии современной культуры (IACC). Состоит в клубе «Творчество и потенциал». Лауреат и победитель ряда российских и международных литературных конкурсов. В 2021 году вошёл в сотню лучших русскоязычных писателей. В 2023 году стал одним из 30 лучших писателей, обращающихся к теме патриотизма. Является активным членом литературно-музыкального объединения «Ильхам».

Мне паруса снятся… Белые-белые! (имена сохранены)

– «Испанец»… А почему «Испанец»? Ты же не оттуда…

– Почему же… Звать Педро, а все Петром называют. Мама – коренная испанка. Изабель её зовут. Дедушка у меня и сейчас в Мадриде живёт… Сам-то я красиво рассказывать не умею. А вот папа у меня рассказчик от бога: когда он о чём-то начинает рассказывать, даже птицы замолкают! Его попросите, сейчас позову…

* * *

– …Много лет назад, когда моя мама серьёзно заболела, я тогда был ещё маленьким, доктора посоветовали морской воздух, ну, переехать поближе к Чёрному морю, – так начал свой рассказ Гали, отец Педро. – Родители у меня нефтяниками были, начали работать ещё тогда, когда город Усинск только строился. Там познакомились отец с мамой, потом родился я. В семье нас только двое детей – я и сестрёнка моя. Когда она родилась, папа по-татарски произнёс: «Мен тулы гаил булдык!», что на русском звучит как «Вот и стали полноценной семьёй!». А там не все ведь татарский понимали, тут же решили: «Галя! Мы её Галей звать будем!» Вот так стала моя сестра Галиёй. Маме тоже такое пришлось по душе. «Гали и Галия…» – радовалась она, хоть плохо себя чувствовала. Видно, сибирские морозы сказались. С тех пор мама и стала серьёзно болеть.

Говорю же, доктора порекомендовали морской воздух. Вот и решили распродать что можно и переехать поближе к морю. Но денег всё равно не хватило даже на маленький домик на черноморском побережье…

…Так семья из четырёх человек оказалась в небольшой деревушке, где купили домишко. «Всё же отсюда до моря будет не так уж и далеко!» – такие мысли, наверно, тогда брали верх. Зато до волжского берега – всего-то пара вёрст…

С первого же дня, как стали там жить, Гали горел одной только мечтой, лишь одним желанием – оказаться на берегу и закинуть свою удочку в воды этой великой реки. А когда отправился туда с соседскими мальчишками, на удивление всех поймал огромную рыбу: лишь вместе они смогли вытащить на берег этого сома! А потом дома… Ох, как отругали его тогда! За то, что без разрешения ушёл… Зато потом… Праздник на всю улицу! За столом были все мальчишки деревни. И конечно же, жаренная до румяной корочки на огромной сковородке рыба…

Кто только не любовался да не восхищался красотами Волги – главной реки страны! Еле заметный сквозь синюю дымку противоположный берег, моторные лодки да катера, бороздящие волны… А как из утреннего тумана выплывает белый пароход… Его протяжный гудок, музыка, идущая с палубы… Эти моменты, как самые заветные картинки, в память Гали въелись на всю жизнь. Может, именно в те моменты и возникло желание стать моряком, объехать весь мир, совершить кругосветное путешествие. Он читал и многократно перечитывал все книги про мореплавателей, какие только были в школьной библиотеке, в снах видел себя настоящим морским волком. Ночами просыпался от собственного крика «Полундра!!!» или «Поднять паруса!»… В сельской школе, где условий не хватало, конечно же, не мог Гали учиться тому, о чём мечтал. Может, так и остались бы мечты лишь мечтами, если бы служить в армии не попал в ВМФ. Морская служба, конечно, не из лёгких. Да ещё три года! Остальные, «сапоги», два отслужат – и домой, а матрос ещё год палубу топтать должен… Но Гали готов был хоть всю жизнь на вахте стоять, палубу драить – ведь это же его мечта! Потому эти три года пролетели как одно мгновение. Вот он снова на землю ступить должен, смирившись с судьбой, заниматься тем, что сильно отличается от его грёз. Еле дотерпев до начала весенней навигации, первым же

пароходом отправился вниз по течению. Путешествия начались. В Ростове, где ремонтируются многие суда, в порту устроился разнорабочим – другой должности просто не было! За короткое время успел познакомиться почти со всеми капитанами пароходов, буксиров, даже шкиперами барж… Но чудеса случаются! Удалось-таки устроиться простым матросом на судно, идущее с грузом в испанский порт Кадис, а впоследствии курс на север – домой через Англию. Вот оно, Чёрное море! Солёный морской воздух! И мысли… с каждым дыханием… «Эх, не сумела ведь вдохнуть этот чудо-воздух, может, и жива была бы… Мамочка моя…»

А потом – Босфор. Дальше – Средиземное море… Его воды совсем другие, отличные от черноморских, изумрудно-зеленоватые. Потом Греция, берега Италии со всеми античными красотами. Работа на торговом флоте не такая напряжённая и нагруженная, как на военном, – чувствуешь себя намного привольнее. В свободное от вахты время занимайся чем хочешь. Хоть часами на чаек гляди, хоть за горизонтом и еле заметным за туманной дымкой берегом следи… А ночами – особенно в ясную погоду – смотри на небо, звёзды считай… Ещё бассейн есть, шахматы, бильярд, библиотека… Ах да! Библиотека! А там – морская энциклопедия, альбомы карт морских путей, книги… С ними даже не замечаешь хода времени.

Гибралтар. Пролив, который на картах кажется таким узким, в реальности довольно широкий: даже на самом узком месте – более четырнадцати километров. А в длину этот водный коридор тянется около шестидесяти пяти километров. По обе стороны стоят Геркулесовы столбы; а когда видишь Гибралтарскую скалу, невольно вспоминаешь уроки истории в школе, где изучались эти мифы и легенды. Мысль, поднимающаяся из глубин памяти, о том, что как раз эта скала почему-то стала принадлежать Великобритании, что там сейчас находится военная база НАТО, вызывает тревогу и отнимает желание восхищаться окружением. Этот небольшой кусочек суши уже много веков является предметом неразрешаемого спора, результата которого нет – Испания никак не может вернуть себе этот клочок земли…

Ещё немного ходу – и порт. До этого тоже, конечно, были остановки, где обычно стояли недолго, всего по несколько часов. Разгрузка-погрузка пары-тройки контейнеров, пополнение запаса пресной воды. А в порту рядом с городом Кадис стояли долго. Несмотря на то что по графику было двое суток, задержались на целую неделю. Гали, как и все, вышел на берег. После многодневной качки на борту наконец ноги с наслаждением почуяли твёрдую землю. Он легко общался с местным населением: ещё в школе английский он изучил с особым старанием и знал на отлично. Во время службы что-либо переводить тоже приходилось часто, а последний год почти полностью просидел в радиорубке переводчиком. Эти знания и помогли. Шёл по улице, увидел пункт общественного питания на открытом воздухе и зашёл. Это была его первая остановка на суше. Первая и самая главная! Его глаза пленила девчонка-официантка, настоящая красавица. Свойственные только испанкам утончённые черты лица, загорелое тело, искрящиеся глаза сковали оковами любви молодое сердце. Ну кто мог подумать, что это на всю жизнь?! Дни сливались с ночами, а их меняли новые рассветы. Рядом с Изабель Гали забывал обо всём: и о времени, и о себе, и о службе. Даже за те несколько часов, когда он возвращался на судно, терял терпение и скорей бежал к своей возлюбленной. Чувства бушевали, сердца горели. Кажется, даже бились они в унисон. Сколько раз стоял Гали перед капитаном, выслушивая его отеческую ругань, сколько раз получил уже последнее предупреждение – знали, пожалуй, только стены этого мостика да бог любви… Может, ещё озорной Купидон, так метко отправивший свои стрелы Амура… А время… Так летит! Уже близки и минуты расставания… Гудок. Потом второй… Вот уже и третий гудок содрогнул воздух… А они, слившись воедино, так и стоят, не в состоянии что-либо слышать и видеть! С мостика капитан кричит в рупор. Уже в который раз!!! Они что, не слышат совсем? Вот тогда капитан со злостью и отчаянием машет рукой:

– Поднять трап!

Корабль удаляется от берега, оставляя за собой буруны да еле заметную белую пену. Всё дальше и дальше. Скоро исчезнет за горизонтом…

– Ах! Я ведь отстал!

Какой толк от того, что бежать вдоль берега туда-сюда… Скоро, наверно, и границу пересекут… Как же догнать? Как? Помощь пришла неожиданно: Диего, брат Изабель, подогнал моторную лодку к самому берегу.

– Скорей! Догоним!

И вот несётся лодка на пределе своей мощности по зеркальной глади моря в сторону уже превратившегося в точку корабля. Время будто стоит. Кажется, что уже никогда не догнать… Но вперёд! Только вперёд! Вдруг… звучит мощный звук сирены. Оказывается, их догнал пограничный катер. Разве можно обычными словами объяснить чувства влюблённых? Нет, наверно. Но пограничники поняли. Все дружно рассмеялись и подняли лодку на борт. Ещё через час с небольшим весь покрасневший Гали стоял перед своим капитаном с опущенной головой и выслушивал воспитательную речь… То были годы перестройки, возможно, ничего страшного не случилось бы, даже если бы остался. Но чувство верности Родине, прописанное в сознании, впитанное ещё с материнским молоком, водой с родного родника, воздухом, наконец… Оно не могло позволить так поступить. Сердце раскалывалось пополам, мгновения тянулись как вечность. Как терпеть? Совет дать некому, а про помощь и думать нечего… В голове только одна мысль, перед глазами одна лишь Изабель. Что бы ни делал, какой приказ капитана бы ни получил, всегда не так исполнит, обязательно допустит ошибку. Расклеился Гали…

– В первом же порту уволю со службы!

Слово капитана – одно! Как только бросили якорь в порту Плимут (Англия), уволенный с должности матроса и выведенный из состава команды Гали был списан на берег.

– Как хочешь возвращайся! В посольство иди!

Как бы ни был зол капитан, даже несмотря на свою профессиональную строгость, всё-таки проявил отеческую заботу. Втайне, конечно. Узнал, что с этого порта скоро отчалит наше судно по Северному морскому пути. После переговоров капитан того судна согласился взять «списанного» к себе на борт матросом. И пошёл Гали бороздить просторы северных морей. Почти до самого конца декабря скитался по волнам, не находя себе места, пока судно не встало на зиму возле Мурманска и не сошёл он на берег… Вернулся домой – а там… целый мешок писем! И на испанском, и на английском, даже, хоть и с ошибками, уже на русском. Все открыты, все многократно прочитаны-перечитаны, и ответ отправлен: «Сами ждём – надеемся, что вернётся, как закончится навигация…»

К телефонной станции Гали не бежал – летел! И летел он на крыльях любви. Огромной, как весь земной шар, горячей, как солнце. Ох, как оно томительно, ожидание! Как же долго тянутся минуты! Ну когда уже соединят? Такие сладкие мгновения! Скорее бы! Стрелки часов что, тормозят, что ли? Вот к кабине приглашают… Издалека, с другого конца земного шара доносится голос любимой. Гали тоже, как и Изабель в далёкой Испании, прижимает к себе телефонную трубку как самое дорогое сокровище и шепчет нежные слова…

Минуты тикают. Летят прямо! Вот и позади отведённые на международные переговоры минуты. Гали счастлив: он не просто услышал голос любимой, а узнал, что скоро станет отцом. Изабель спрашивала только об одном: ждёт он её или уже успел забыть…

Ждёт! Конечно, ждёт! Иначе даже и быть-то не может. Да он просто полетел бы, если бы крылья имел!

Одолев все трудности, все бумажные формальности, преграды, расстояния, наконец Изабель села в самолёт. Диего, брат, сопровождал её везде и на каждом шагу. Он бы и полетел вместе, если бы не эти трудности с документами! В общем… Села она на борт одна – а сошли на землю уже вдвоём! Перед самой посадкой, когда самолёт уже начал снижение, начались

схватки. К счастью, среди пассажиров оказался медик. Всё закончилось хорошо. Новорождённую девочку назвали Каролиной, там же, в международном аэропорту Шереметьево, торжественно вручили свидетельство о рождении. Ещё через полтора года родился сын – Педро. Вот так…

Спустя много лет, когда я в очередной раз поехал с гуманитарной помощью нашим землякам в зону боевых действий СВО, встретил их, плечом к плечу тянущих тяжёлую ношу войны двух бойцов – Гали и Педро. Не знаю, возможно, и не узнал бы я о них, если бы случайно не спросил: «А почему „Испанец“? К тому же двое – старший и младший…»

* * *

– Педро, а мечта у тебя есть? Какая она?

– Мечта… – «Испанец-младший» поднял вверх к облакам свой взгляд, полный добра и света, да так, будто даже небо стало светлее, счастливо улыбнулся и произнёс: – А можно три?

– Конечно!

– Мира хочу. На земле, на небе…

Он замолчал. А я терпеливо ждал оглашения второй мечты. Всеми цветами радуги блеснула, как символ счастья, бриллиантовая слезинка.

– Сын у меня родиться должен… Вот-вот… На днях… Съездить хочу! Увидеть, имя дать… Испанское!

– А третья? – не стерпел я.

– А смеяться не будете?

– Нет конечно! Как же можно… Это же мечта! И она обязательно должна осуществиться!

– Я хочу… – Педро закрыл глаза и сладко улыбнулся. – так же, как когда-то отец меня, научить своего сына плавать по волнам под парусами. Белыми-белыми! По Волге-матушке…

Нэлля Баева

Живёт на краю земли – на острове Сахалин, но её творчество не знает границ. Педагог с сорокалетним стажем, романтик в душе, она пишет стихи с детства, создавая исторические, поэтические, фантастические произведения для читателей всех возрастов. Её перу принадлежат 18 книг, а стихи и поэмы опубликованы в 153 сборниках по всему миру. Творческий путь Нэлли отмечен высокими наградами: она кавалер 6 орденов и 21 медали, обладательница диплома имени Альфреда Нобеля, знака «Золотое перо русской литературы», «Литературный Феникс», «80 лет Победы» и др. Академик Международной академии наук и искусств, член Интернационального Союза писателей и Российского союза писателей. Нэлля Баева продолжает вдохновляться морем, цветами и дальними дорогами.

Пётр Первый

1689–1725 гг.

Русский царь, император, государственный деятель.
Пробуждением от спячки Россия ему обязана.
В Российском государстве новых идей – сеятель.
Вся его деятельность с новыми реформами связана!

*** * ***

Пётр родился в Москве, физически крепкий,
Активный, любознательный, смышлёный.
Освоил множество ремёсел, имея ум цепкий,
Военными детскими играми увлечённый!

Ребёнком Пётр людей своей красотой пленял.
Рост высокий, в глазах ум и решимость видны.
Живостью своего лица и фигуры восхищал,
Но хваткой и талантом были все удивлены!

Влияние на его интересы иностранцы оказали:
Брюс, Гордон, Лефорт – каждый сподвижником стал.
Научили Петра всему, что сами умели и знали.
Иностранных языков царь с детства много знал!

С трудом давалась грамота ему.
Ну не каждому это в жизни даётся.
Но сразу было видно по всему:
Ума палата парню достаётся!

*** * ***

В десятилетнем возрасте был на престол возведён
Вместе со старшим братом Иваном.
Скоро Нарышкиных – Милославских компромисс был решён:
Регент Софья стала править совместно со своим кланом!

Царевна убрать Петра с матерью распорядилась
С глаз долой в Преображенское село.
На Петра судьба не очень рассердилась.

В ссылке много интересного с царём произошло.

Два потешных батальона там сформировал.
Они в будущем настоящими подразделениями стали.
Семёновский и Преображенский полки основал.
В честь селений, в которых стояли, их так назвали.

Познакомился с разбитным мальчишкой,
Почти ровесником, сыном придворного конюха был.
Озорным, смышлёным шалунишкой
Сашей Меншиковым, что на всю жизнь дружбу сохранил!

Основное, чему Романов мог здесь научиться:
Не знаменитость, не принадлежность к роду ценить,
А способностью, смекалкой, преданностью заручиться.
Это главное, что в человеке – друге должно быть!

У наставников кораблестроению Пётр учился.
На своём ботике по реке Яузе плавание совершил.
Позже по Переяславскому озеру на нём же прокатился,
Где первую верфь для строительства судов заложил!
По указу матери на Евдокии Лопухиной женился,
Но в Немецкой слободе стал дневать и ночевать,
Где в Анну Монс впервые без памяти влюбился!
Зато, женившись, на правление мог претендовать!

* * *

Царевна Софья власти лишаться не желала.
Хотела, чтобы Пётр смирился, подчинился.
Бунт стрельцов против Петра организовала.
Узнав, Пётр в Троице-Сергиевой лавре укрылся!

Он прошлую кровавую расправу не забыл,
С того времени нервные судороги и тик появились.
Для подростка бунт – настоящий кошмар и ужас был.
И вот опять стрельцы поднялись, всполошились!

Успокоившись, Пётр вскоре в себя пришёл.
На стрельцов личная армия послана.
Кто не покорился, смерть свою нашёл.
Софья в Новодевичий монастырь сослана!

Отстранив от власти сестру, Пётр фактически царём стал,
А после смерти матери и брата – самодержцем юридически.
Долгожданный час свободы для Петра настал!
Сторонники отметили чаркой вина не символически!

* * *

Утвердившись на престоле, в поход против Турции пошёл,
Который взятием Азова и выходом к морю завершился.
В Великое посольство под видом Петра Михайлова вошёл.
Многим новым ремёслам за границей обучился!

Полный курс артиллерийских наук покорил.
Плотником на ветвях Амстердама работал.
Корабельную «архитектуру» и черчение планов изучил.
Набирали мастеров, закупали приборы, оружие, книги без счёта!

Ремесла такого больше не нашлось,
Чтобы русский царь не познакомился.
Одновременно создавать союз против Швеции пришлось,
Через два года который окончательно оформился.

С австрийским императором переговоры провёл.
Но, получив известие о стрелецком восстании,
Многие начатые дела до конца не довёл:
Возвратился в Россию вести личное дознание.

Следствия по стрелковому делу на расправу подвигли:
Более тысячи человек были казнены.
Софью с сестрой Марфой в монахини постригли.
Этим проблемы были вроде решены!

* * *

Царь свою преобразовательную деятельность начал.
Ненадёжные стрелецкие войска распущены были.
Регулярные солдатские и драгунские полки формировал.
Ломку старых нравов в стране производили!

Мужчины должны без бороды ходить.
Женщины голову, волосы открывать.
В России пришлось новый календарь вводить,
Чтобы первого января Новый год встречать!

Во время царствования царь много реформ свершил
В области культуры и просвещения.
Монополию духовенства на образование лишил.
Открылись светские школы – небывалое явление!

Училище, музей, академия постепенно открывались.
Буквари, карты, книги церковные и светские издавали.
С реформой нового, облегчённого алфавита постарались.
Много зданий, архитектурных ансамблей создавали!

Вся эта деятельность в борьбе с оппозицией протекала.
Реформам сопротивляться боярство и духовенство решили.
Их мышиная возня сосредоточиться на главном мешала:
По созданию мощи России реформы тормозили!

1700 г.

Царь с Турцией заключил мир, войну со Швецией начал.
Противником Петра восемнадцатилетний Карл был.
Пётр Романов под Нарвой сражение проиграл.
Из поражения урок извлёк, промахи не забыл!

Активно принялся вооружённые силы укреплять.
Через два года берега Невы от шведских войск очистил.
Но Северную войну пришлось продолжать,
Потому что без выхода на море царь жизни не мыслил!

1709 г.

Под крепостью Полтава Полтавская битва произошла.
Полным разгромом шведских войск завершилась.
Сам царь Пётр Романов в бой вёл русские войска.
Участвовал в сражении! И победа свершилась!

Пётр воодушевлял, подбадривал солдат:
«Вы не за Петра, за Россию, государство сражаетесь!
России, солдатам российским – виват!
Доблесть и честь свою в победе сохраняете!»

В тот же день царь пир большой устроил.
На него шведских пленных генералов пригласили.
Вернуть всем шпаги на пиру изволил.
И за них, «учителей», им всем чарки подносили!

Бой под Полтавой выход к Балтийскому морю закрепил.
За рубежом вынуждены стали с Россией считаться.
Русское окно в Европу, на зависть соседям, открыл.
Наконец-то Россия смогла этого дождаться!

* * *

Пётр для России слишком много свершил:
Промышленность, торговля развивались,
Потенциал власти российский рынок укрепил,
Строились города, в старых – улицы освещались!

России и Украины великое воссоединение
Братские народы связало, объединило.
Тайги суровой сибирской освоение
Россию в величайшее государство превратило!

В стране работы по разведке рудных богатств велись.
На Урале, в Центральной России заводы воздвигались.
Дороги прокладывались, каналы проводились,
Корабельные верфи в городах сооружались!
Он разумом своим далеко смотрел.
Камчатский край на груди России пригрел.
Добраться через Тихий океан в Америку хотел,
Но осуществить свою задумку не успел!

* * *

Реформы и Северная война бременем на крестьян легли.
В народных восстаниях недовольства прорывались.
Волнение башкир, Булавина крестьянская война
Петром с жестокостью и равнодушием подавлялись!

Как только царь булавинский бунт подавил,
Он областную реформу предпринял.
Страну на губернии, провинции, уезды поделил.
Указом о единонаследии поместья и вотчины уравнял!

* * *

Свои позиции Пётр на Балтийском море укрепил.
В устье реки город Санкт-Петербург заложил.
В морской торговый порт его превратил.
Основав город, «окно в Европу прорубил»!

Город силами «работных людей» строился.
Они валили лес, засыпали болота – тяжкий труд!

Слабак, не выдержав этой нагрузки, тут упокоился.
Всем, кто строил град-столицу, потомки почёт воздадут!

1721 г.

Наконец-то Ништадтский мирный договор заключён.
Северной войне он долгожданный конец положил.
Ряд земель, принадлежащих России, возвратил.
Процесс образования Российской империи Пётр завершил!

Табель о рангах служебных чинов создан был.
Петербуржскую академию наук открыл.
Пётр усердно родине, стране своей служил.
Отличия и звания в труде и в бою заслужил!

*** * ***

Дела домашние Петра не занимали, удручали.
Сын Алексей правлением отца недоволен был.
После угроз Петра сын с женой в Вену убежали.
Отец, объявив его изменником, к казни приговорил!

На войне со Швецией Пётр Марту-Катерину встретил.
Любовницей сделал (у друга Меншикова отобрал).
Венчание только через девять лет отметил.
Екатерину Пётр как императрицу короновал!

Пётр Романов дважды был женат.
Четырнадцать детей официальных
было.
От чего умер? Источники
о многом говорят,
Но жизнь прожил достойно, не уныло!
Несомненно, можно так сказать:
С почечнокаменной болезнью, осложнённой уремией,
Бросился в холодную воду бот и солдат спасать.
И подхватил жесточайшую пневмонию!

При болях мучительных, тяжких умирал.
Все о наследнике услышать речь хотели.
Оставшиеся силы умирающий собрал,
Затих. Жена рыдала, сидя у постели!

Екатерина в свои руки управление страной взяла.
Александр Меншиков во всём ей помогал.

Правила недолго, к Петруше вскоре в облака ушла.
Новый царь страдалицу-Россию поджидал!

* * *

Пётр Первый – умён, талантлив, волевой, энергичен,
Своих сил во имя заветной цели не жалел.
Был для кого-то «Антихристом», кому-то симпатичен,
Но считаться с интересами тех, кто слабее, умел!

Целеустремлённый, до новых знаний жаден,
Царь Пётр, при всей противоречивости своей,
Порою импульсивен, безжалостен, но не кровожаден,
Ход истории России изменил и народа облик в ней!

Станислав Белецкий

Родился 16 июля 1971 года в городе Рыбинске Ярославской области.

В 1990 году окончил Рыбинский авиационный техникум.

В 2003 году получил диплом Ярославского педагогического университета имени К. Д. Ушинского.

Стихи начал писать во время учёбы и на государственной службе.

Активно пишет и выкладывает своё творчество в соцсетях с 2020 года.

Сон

Зима крадётся тихо
На кошачьих лапках
Морозным свежим ветерком.
Чуть слышно
Смерть скользнула у виска,
Оставив белый след.

Она стройна, мила, учтива и всегда готова
Быть верным спутником моим
На тот далёкий, близкий свет.
Она не спит, не знает устали,
Всегда в трудах.

Привыкло тело к сквознякам,
Душа дрожит и приспособиться не может.
Не спит и мается она,
А вместе с ней и мне не спится.
Дрожит, ей холодно одной.

Мне чудятся раскаты грома,
Шум дождя.
Как кошка, тихо, мягкою походкой
По крышам и по окнам
Стучат дождинки – ночи марш.
Глаза смыкает, принося покой в измотанную душу.
Морщинистые веки сомкнуты
Печатью лет.
И сердцу мил твой тихий нежный голос,
И речь как мёд сладка, тягуча.
Как руки – крепкие, стальные –
Речь твоя сдавила горло мне.
Объятия нежны, и поцелуи жарки
Прекрасной спутницы моей.

Плач половиц и хохот галок.
В тронном зале свет тысячи свечей, алтарь.
Вся свита чёрная твоя нас окружает.
Глаза открыл…
Костей объятья и улыбка
голых скул…
Невеста, смерть моя,
Женой навеки станет.

Тем, которых уже нет

Снежинки падали, не тая,
На белое лицо,
И петербургские каналы,
Замедлив бег,
Неву накрыли белым одеялом
И уложили спать.

Часы остановились в полдень,
Расчёт у пушки в стельку пьян.
В морозный день
Весь город замер,

И не пришло ещё сознанье,
Что ты ушла от нас навек.
И он ещё не понял,
Насколько всё осиротело,
Насколько им давала сил.

Сырая невская земля,
Прими её.
Весной, откинув одеяло,
Душа её подснежником
взойдёт
На грубо сделанной могиле,
И, растворившись без остатка,
Любовью растворишься в нас.

А наша память с образом твоим
Вести беседы будет сердцем,
Спасая души.
Мы здесь остались
И коротаем время на этом свете
До встречи в новом мире,
В свете том,
Где ты согреешь нас
Теплом Божественного света.

Русские деревни

Скрипит на улице фонарь,
Скрипят полы в пустой избе,
Когда гуляет ветер, залетая
В давно разбитое окно.
Скрипит устало дверь.

Ещё недавно
Скрипели кости стариков
И не спеша хрипела речь
Двух стареньких супругов.
Ушли они.

Дом опустел, огруз,
И крыша провалилась.
Гуляет только ветер,
Играя паутиной
В углу киотном,
Качаясь на лампаде.

И Богоматерь с грустью
Смотрит в пустоту,
Сожалея об ушедшей жизни.
Без надежды стоят дома
Когда-то русских деревень.

Павел Вершинин

Родился в 1969 г. в городе Глазове УАССР (ныне Удмуртская республика).

В 1991 г. окончил физический факультет Московского педагогического государственного университета им. В. И. Ленина. В период учёбы участвовал в художественной самодеятельности, состоял в пресс-центре факультета.

Печатался в альманахах «В пути мы обретаем лица», «Союз непохожих», «Я останусь поэтом…», «Глазов литературный», «Горизонты творчества». Победитель проекта «Глазовский арт-фестиваль фантастики» (2022).

После публикации «Календаря памятных дат» РВИО обнаружил серьёзный недостаток «агитбригадного» материала по указанным в нём событиям (кроме Великой Отечественной) и принялся за его составление. В альманахах издательства «Четыре» вышли подборки стихов на тему отечественной военной истории.

1709 г. Полтавское сражение (Поэма)

Бой у редутов

Нас назовут восьмым редутом[49],
Когда закончится война.
Под шведских барабанов звуки
Скончалась быстро тишина.

Тяжёлым выдаётся утро –
Потери первые несём;
Два недостроенных редута
Уже захвачены врагом.

С успехом первым швед звереет!
А дальше – наш стоит редут!
И каролинеры-злодеи[50]
На приступ с криками идут.

Навстречу им летят горохом
Гранаты из ручных мортир.
И пушку к выстрелу готовят
Артиллеристы-пушкари.

– Давай, Семёныч, чуть правее!
Скорее заряжай, Кузьмич,
А то приблизятся злодеи!
– Заряжено. Пали, Ильич!

Вояки северные люты,
Храбры, упрямы и тверды;
Но прилетевшее с редута
Ядро расстроило ряды.

Как нескольких солдат сразило,
Так оробели храбрецы;
Удар по собственному рылу
Не ждали Карловы бойцы.

Что ж, каролинцы, знайте русских!
И, заглушая вражий клич,
По ворогам палят из пушки
Ильич, Семёныч и Кузьмич.

[49] Редут – сомкнутое полевое укрепление, оснащённое артиллерийскими орудиями.

[50] Каролинеры, каролинцы – шведы (по имени короля Карла).

Уж две шеренги разорвали,
Картечью[51] в клочья разнесли!
Но жёлто-синие кафтаны[52]
До рукопашной всё ж дошли!
Ударил враг! Но сдержим шведов
Гранатой, пулей, тесаком[53],
Штыком, прикладом, багинетом[54]
Или по морде кулаком!

Атака первая отбита!
Кто другу шепчет: «Не робей…»,
Кто просит у Христа защиты,
Кто вспоминает всех чертей.

Атака новая! Ну, Боже,
Храни нас, грешных, и спаси!
С размаха дал ведром по роже
Драгуну шведскому Кузьмич.

Мы выстоим! Мы сдюжим, сможем,
Способны дать отпор врагу!
Соседи обстреляли го́ржу[55],
Чтоб шведы не вошли в редут.

Хотя и бьём из всех орудий,
Упряма каролинцев рать:
Идёт без боя сквозь редуты,
Чтоб наших в лоб атаковать.
Идут! Редуты миновали,
Но дальше ждёт врага презент:
Как прорвались – Левиафаном[56]
Взревел в тылу ретраншемент[57]!

Остолбенело вражье войско;
Картечь в упор! Вот так конфуз!
Презент противнику подносит
Наш чернокнижник Яков Брюс[58]!

---

[51] Картечь – круглые свинцовые пули; укладывались в «картечный заряд», разрывавшийся при выстреле.

[52] Жёлто-синие кафтаны – цвета шведских мундиров.

[53] Тесак – укороченный прямой или изогнутый клинок; солдатское оружие самозащиты.

[54] Багинет – предшественник штыка; прямой укороченный клинок, рукоять которого вставлялась в ружейный ствол.

[55] Го́ржа – узкий вход в редут с тыла.

[56] Левиафан – библейское чудовище.

[57] Ретраншемент – оборонительное сооружение в тылу главной позиции (в Полтавском сражении – позади линии поперечных редутов); усиливалось артиллерией.

[58] Брюс Я. В. – русский военачальник времён Петра, генерал-фельдцейхмейстер; под Полтавой командующий артиллерией; среди простонародья считался колдуном и чернокнижником.

На том свете ступайте к бесу –
До штыковой вы не дошли!
Бегут к Будищенскому лесу
Расстроенных врагов полки.

Виват Петру! Побита будет
Вся жёлто-синяя волна…
Нас назовут восьмым редутом,
Когда закончится война.

Бой у Яковецкого леса

Возник при отступленье шведском
Конфуз средь дымовых завес;
Будищенский и Яковецкий
Противник перепутал лес…

Под пушечным обстрелом плотным
Стряслась со шведами беда;
Граф Шлиппенбах[59] с отрядом конным
Свернул, но только не туда.

А русский царь на шведов битых
В трубу подзорную глядит;
Заблудших конников увидел
И Меншикову[60] говорит:

– Похоже, что отряд сей шведский
Решил наш фланг атаковать!
Но пресечём манёвр дерзкий;
Атаку будем упреждать!

Бери, Данилыч, лейб-регимент[61]
И супостата потревожь:
Ударь нахрапом что есть силы
И этих конных уничтожь!
Коня в свечу поднял Данилыч,
Махнул регименту рукой:
– Ну, мать честная, в хвост и в гриву,
Лейб-гренадеры, все за мной!

В атаке конногренадеры,
Сверкают палаши в руках,

[59] Шлиппенбах В. – шведский военачальник; в Полтавском сражении сдался в плен русским войскам.
[60] Меншиков (Меньщиков) А. Д. (Данилыч) – русский военачальник времён Петра, генералиссимус.
[61] Лейб-регимент – полк царских телохранителей.

В сумах гранаты, кони скоры,
И мать честная на устах.

Но шведы к бою не готовы!
Стал неожиданным налёт,
И русский лейб-регимент конный
Противника застал врасплох.

Меж каролинцев нет порядка –
И оборона терпит крах;
И в плен с остатками отряда
Сдаётся Вольмар Шлиппенбах.

Бой у Будищенского леса

Среди врагов опять движенье;
Звук барабанов, трубный зов;
В затылок строятся шеренги
Уже потрёпанных полков.

Да, есть ещё у шведа силы;
Без боя он не отойдёт!
И Карл, сидящий на носилках,
Отдал полкам приказ: «Вперёд!»

И барабаны загремели,
Звучаньем поддержав трубу,
И шесть шеренг одновременно
Ногой ударили траву.

Поднял фельдмаршал Шереметев[62]
Орлёный жезл золотой.
– Пали! – летит свинцовый ветер,
И дым клубится над травой.

Гремят орудия; наглядно
Видна работа пушкарей;
Свистит ядро, шипит граната –
И десять трупов на земле!

Идёт на бой святой и правый
России сын, солдат-герой!
И наше дело под Полтавой
Уже дошло до штыковой!

[62] Шереметев Б. П. – русский военачальник времён Петра, генерал; под Полтавой вместе с царём осуществлял общее командование войсками.

Оружия ударом верным
И натиском, презревши смерть,
Ломаем шведские шеренги,
Как будто кабана медведь!

Но швед упрям! И вдруг случилось…
Ядро, удачно прилетев,
Разбило Карловы носилки;
Король – в пыли, в траве, в земле.

И дрогнул шведский строй ретивый,
Узрев нежданный поворот;
И сине-жёлтые мундиры
Рванули с поля боя вон.

Бежит от русских враг побитый,
Дрожит от выстрелов земля,
И на шести скрещённых пиках
Несут драбанты[63] короля.

Атака полтавского гарнизона

Успешно под Полтавой дело,
И бьёт врага Петрова рать.
Нас всех собрал полковник Келин[64],
Чтоб гарнизону речь сказать.

– Пришла подмога под Полтаву!
С войсками лично прибыл Пётр.
Конечно, знаю, что граната –
Одна на десять гренадер,

И три патрона на фузею
Осталось у солдат в суме.
Но станем ли, как ротозеи,
За крепостной стеной сидеть?

Патронов мало – есть отвага!
Тесак и штык – страшны врагу!
Захватим, братцы, шведский лагерь,
Чтоб пособить царю Петру!

Все – кто здоров, кто с лёгкой раной, –

[63] Драбанты – телохранители.

[64] Келин А. С. – комендант Полтавского гарнизона в 1709 г.

Вооружившись, встали в строй.
И даже бабы-кашевары
Взялись за топоры гурьбой.

Атакой дерзкой и свирепой
Ворвались скоро в лагерь! Глядь –
А там изменника Мазепы[65]
Тупое быдло, рвань и пьянь.

На пьяниц заспанных напали,
Хмельные рожи усмирив,
Перекололи их штыками,
А бабы – взяли в топоры!

Идёт обратно в шведский лагерь
Фельдмаршал Росс[66] по дефиле[67].
А там – российские солдаты:
– Ну что, сдавайся, шведский лев!

В шатре царя

Дымятся осетры на блюде,
Слуга пирог с мозгами внёс.
Царь Пётр наливает кубок
И произносит первый тост:

– Сложилось дело под Полтавой!
Разгромлен нами Карл-злодей!
Мы победили! И сначала
За наших пью учителей!

Граф Пипер[68] среди шведских пленных
Петру по-русски говорит:
– О да! Бывают в каждом деле
Учителя! Но кто они?

Ответил царь: – Скажу, однако,
Не стану истину скрывать!
Вы, Карла шведские солдаты,
Нас научили побеждать!

[65] Мазепа И. С. – запорожский атаман; во время Северной войны перешёл на сторону шведов. Во время боя его казаки охраняли шведский лагерь.

[66] Росс (Роос) К. Г. – шведский военачальник; в Полтавском сражении взят в плен русскими войсками.

[67] Дефиле – узкое извилистое пространство.

[68] Пипер К. – шведский военачальник, граф; в Полтавском сражении сдался в плен русским войскам.

И отвечал Петру граф Пипер:
– Вы, захватив победы приз,
Весьма сурово со своими
Учителями обошлись!

Виктор Дроздов

Родился в 1958 году. Окончил Харьковское ВВКИУ ракетных войск им. Крылова Н. И. Служил на космодроме Байконур. Подполковник запаса. Ветеран труда. Издал восемь личных сборников стихов. Неоднократно публиковался в журналах, альманахах, сборниках, в прессе. Лауреат в номинации «Поэзия» Международной литературной премии Мира. Награждён знаками «Золотое перо русской литературы», «Литературный Феникс». Стихи носят разноплановый характер. Проживает в Белгороде.

Дороги нужны, чтобы идти…

Нам дороги нужны, чтоб идти
И стараться при каждом шаге
Не следить, не вредить, не сорить,
Не помять ни цветов, ни флагов.
Мы в темпе каком-то бешеном
Иной раз сплетёмся все гривами,
Но не были б только повержены,
А были бы только счастливыми.

На финише мы сквозь ненастья,
Лепестки нам смешают с пылью.
Осознали – в дорогах счастье,
В истоптанных метрах и милях.
Дороги вперёд станут главными,
Одежды пусть в хлам износятся.
Со своими бы только флагами,
И чужих нам путей не хочется.

На Угре

Пять веков той поре:
Хан стоял на Угре
В холода, в октябре,
Дань собрать татарве.
Руси иго терпеть
Наступает предел.
Дань платить триста лет
Ненасытной Орде.

Лучше быть на одре,
Лучше не постареть,
Иван Третий – борец,
Здесь дал бой на Угре.
Русский дух тут окреп,
Стрел, мечей остриё,
Иго сбросила – ввек
В шишаках рать её.

Хан Ахмат сам пугал
Церкви нам разорять,
Только предок свергал,
Русской рати молясь.
Трёхсотлетней мечте
Наступил святой миг,
Богородица-мать
Заступилась за них.

Насмотрелась Русь бед,
Измен «верных» бояр,
Каждых несколько лет
Подлый в спину удар.
Предавали мечты,
Только прочно стоит
Средь нужды, нищеты
Монолитный гранит.

Тут фашист был умыт,
Швед, тевтон попадал,
И француз был побит,
Кто здесь не побывал!
Все-е хотят поиметь
То, что предок нам дал,
Ободрать да спереть
И вести, как вандал.

Только, как на Угре,
И сейчас нам стоять,
Как когда-то прадед,
Судьба – не отступать.
Для врага мы беда,
Мы своих не сдаём,
Наше сверху всегда,
Мы своё – заберём!

Быль про стены

Век за веком, строем,
Словно в цепи звенья,
Мы державу строим
Всем на загляденье.
Война не преминула.
В годину лихолетья
Россию так тряхнуло!
Дул перемены ветер.

Грянуло нам счастье,
Дал нетленный Ленин,
Все друг другу братья,
Субботники с поленом.
Но армию – крепили,
И все, осилив «крены»,
Враги хоть обложили,
А вырвались из плена.

Единством обрастали,
Ещё взрастили смену
И крепче стали стали,
Что делают в мартене.
В космос мы поднялись
В голод послевоенный,
Вдруг времена настали:
«Большая перемена!»

Годами всё внушали
Ветра свобод священных:
«Вокруг своей державы
Вы выстроили стену.
Вот вам бы через стену
Перемахнуть, как птица,
И крикнуть в изумленье:
„Здравствуй, заграница!“»

Знать, было суждено нам.
(То ль бред, то ли измена)
Вещал один, что время
Для нового мышленья.
В Берлине сносят стену.
Там вроде не вандалы,
А нам за слом державы
По ваучеру (!) дали.
Вот, на своих не глядя,

Летит Россия тройкой.
Что там свои! Сэм-дядя
Доволен перестройкой.
И наконец свершилось,
Раздолблены все стены.
Настроили мы вместо
Них – арок «офигенных».

Теперь везде бываем,
Пиво пьём их с пеной.
Правда, кто был братом,
Те стали вдруг гиены.
Вот что ещё достало:
Обидно, что не дружим,
Во рвах все окопались,
И нам никто не нужен.

Мы вместе пели песни.
Науку – ввысь, леченье.
Теперь нам строят стены
Для праха, для храненья.
Когда сошла прочь пена,
Смотрю, не стало лучше,
А крепостные стены
Всё выше в наших душах.

Ваньки-встаньки

Прискорбие с тоской, упадок сил,
Всё вместе перемешанное с болью.
Ведь то, что ты усердно так сложил,
Разрушено ворчаньем недовольных.
И сердца стук: «Ну, кажется, капец»,
Но разум всё твердит тебе: «Пустое.
Твоим задумкам, делу – не конец,
Тебе начать по новой ещё стоит».

Уж, кажется, физически нет сил,
В который раз душа запричитала.
А Ванька-встанька тихо попросил:
«Давай, давай ещё разок. Сначала».
Благим делам благоволит рассвет,
Так просто крах идеи не наступит.
И пусть порой меняет время цвет,
Ты извернёшься сам, если не глупый.

Чёрт с ним. Раз регулярно предают,
Забывчиво обходят благодарность.
И Ваньки-встаньки, битые, встают,
Прощая ренегатов, как ни странно.
Мы пожелаем тем, что нас сдают,
Всего-всего, естественно, в кавычках.
Пусть среди бед «изменщики» снуют,
Свои надежды обратив в привычки.

Двадцать первый век

Седой луне я жаль пролил в ночи.
Двадцатый век за угол и там сгинул.
А жизни срок – рыдай, а хоть кричи,
Как бык слизал, уже наполовину.
И в тех бегах обходят все давно,
На груди жизнь навесила медалей:
«За суету», «Усталость», «Всё равно».
А в теле органы меня тихонько сдали.

Как будто с дерева усохшая листва,
Сошли года, и вот гляжу – картина:
Огонь желаний безрассудных – иногда.
Вот чаще боль пронизывает спину.
Забег на скорость нелегко добить,
И не случится ленту рвать, как нервы.
Надеюсь всё ж до финиша дожить
В век молодой, начало, двадцать первый.

Желаю ныне уж почаще рассуждать,
Что сам смогу, а что мне тут не светит.
Я наблюдаю: как пятимся мы вспять,
Ну а вперёд – уходят наши дети.
Мелькнул звездою наш двадцатый век
И радостно прогрессом всех
задвинул.
Дал достижений нам,
и там такой разбег,
Мне б в нём прожить
вторую половину.

Екатерина Евстигнеева

В Городце, на родине росписи, необыкновенной керамики и золотого шитья, живёт удивительная женщина. Нон-фикшен, художественная проза и трепетная поэзия подвластны Наталье Фёдоровне Козловой (творческий псевдоним – Екатерина Евстигнеева). Будь то фантастические трилогии, стихи, венки сонетов, сказки, рассказы или глубокие научные работы – во всём видны талант и целеустремлённость. Любовь, окутанная покрывалом фэнтези, метафоры, погружение в мир науки и творчества притаились под обложками её книг. Что двигает человеком, когда он начинает исследовательскую деятельность? Как в сознании рождаются сюжеты о фантастических мирах и складываются стихотворные произведения? Такие вопросы возникают при чтении глубоких произведений Екатерины Евстигнеевой.

Лабиринт времён

Более пятнадцати лет назад я начала своё путешествие в прошлое, пытаясь по крупицам собрать историю своей семьи. Желание понять, кто я есть, откуда я родом, было огромным. Это оказалось невероятно захватывающим, но и очень непростым делом. Я погрузилась в мир старинных метрических книг, ревизских сказок, посемейных списков, исповедных росписей… Бесконечные запросы в архивы, долгие размышления – всё это ради того, чтобы воссоздать наше генеалогическое древо.

Мой внутренний мир богат и многогранен, а чувства я переживаю глубоко, порой даже слишком. Но даже самые смелые фантазии, самые дерзкие мечты не могли подготовить меня к тому, что открылось, когда я решила заглянуть в прошлое своей семьи. Это началось как лёгкое любопытство, как мимолётное желание узнать, кто были мои предки. Но очень скоро это превратилось в настоящее погружение, в захватывающее путешествие во времени, которое из простого хобби выросло в страстную научную работу.

А началось всё с тёплых расспросов моих любимых бабушки и дедушки, с изучения старых фотографий и документов. Поначалу мои поиски родословной не принесли особо впечатляющих результатов. В лучшем случае я смогла узнать имена своих прапрадедушек и прапрабабушек, а по некоторым линиям информации было совсем мало, почти ничего. Тогда я решила обратиться за помощью на форум ВГД, где общаются опытные исследователи. Я задавала им вопросы, с чего лучше начать и как двигаться дальше. К моему огромному счастью, люди откликнулись, стали помогать и всячески поддерживать.

Конечно, были и моменты, которые немного расстраивали. Например, когда я с энтузиазмом рассказывала знакомым о своих занятиях генеалогией, некоторые спрашивали: «Ну и что ты с этого получила?» Было обидно сталкиваться с таким непониманием и невежеством, но, как говорится, каждый живёт так, как умеет.

Постепенно, шаг за шагом, на моём генеалогическом древе стали появляться всё новые и новые персоны. Каждая фамилия, каждое имя открывали дверь в неизведанный мир, полный историй, судеб и, как оказалось, ярких образов, которые не давали мне покоя. Ночами я видела сны. Это были не просто случайные видения, а целые картины, ожившие страницы истории. В них мои предки сидели за массивным деревянным столом, их лица освещались тёплым светом свечи. Они хлебали щи деревянными ложками из общей большой миски. Казалось, я даже чувствовала запах дыма, слышала их негромкие разговоры, ощущала тепло их присутствия. Затем картины менялись. Я видела их, идущих по деревенской улице в лаптях. Мужчины были в простых холщовых рубахах, а женщины в сарафанах. Они такие далёкие и совсем не знакомые, но такие близкие и родные! Эти сновидения были настолько яркими и эмоциональными, что я просыпалась с ощущением, будто только что вернулась из долгого путешествия. Они наполняли меня чувством принадлежности, пониманием того, что я часть семьи, часть своего рода. Мои предки перестали быть абстрактными именами на бумаге; они стали живыми людьми, с которыми я, казалось, могла общаться, которых я могла чувствовать.

Наяву же велась настоящая научная работа. Я проводила много времени за изучением исторических документов, которые содержали биографические сведения, научилась расшифровывать старинные почерки, понимать терминологию, находить связи между, казалось бы, разрозненными фактами. Каждая найденная запись была как драгоценный камень, добавляющий блеска моему генеалогическому древу. Я сопоставляла даты, проверяла родственные связи, искала подтверждения в различных источниках. Это была кропотливая, иногда утомительная, но невероятно увлекательная работа. Я чувствовала себя детективом, распутывающим многовековую загадку.

И вот что удивительно: мои сны и моя научная работа начали переплетаться. Образы из моих сновидений находили подтверждение в архивных документах. Это было невероятное ощущение – когда мистическое и научное сливаются воедино, когда интуиция и факты подтверждают друг друга. Мои предки перестали быть просто персонажами моих снов или сухими именами в документах. Они стали реальными людьми, чьи жизни я восстанавливала, чьи истории я рассказывала.

Сегодня моё генеалогическое древо – это не просто схема родственных связей. Это живой организм, наполненный событиями, характерами, судьбами. Это мост между прошлым и настоящим, который позволяет мне лучше понять себя и своё место в этой жизни. Всю информацию я вношу в программу «Древо жизни». Сейчас там более 5000 персон. Мне удалось воссоздать свою родословную до начала 17-го века. Это успех! Но совершенству нет предела, и я стараюсь разыскать новые сведения.

Я глубоко верю, что мои предки где-то там, в лучшем мире, смотрят на меня. И я здесь, на этой грешной земле, никогда их не забываю. Память о предках живёт во мне и будет жить в моих потомках.

Однако генеалогия буквально околдовала меня и не отпускает. Наряду с составлением своего генеалогического древа я также собрала сведения и по родственникам мужа, что позволило узнать сотни его родственников от Якутии до ЛНР. Мы также всё внесли в программу и получили древо. Результат потрясающий!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.